

Борис Пантелеев
Рахилия Карымсакова
Сергей Уткин

**СВОБОДА СЛОВА
В РАМКАХ ЗАКОНА**
Пособие для журналистов

Алматы
2014

УДК 070.13

ББК 76.01

П 16

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Центра ОБСЕ в Астане

П 16 **Пантелеев Б.Н., Свобода слова в рамках закона.** Пособие для журналистов. / Б.Н.Пантелеев, Р.Д.Карымсакова, С.Г. Уткин: Алматы: «Адил соз», 2014 г., 96 с.

ISBN 978-601-80030-9-7

Защита права на свободу слова – вот главная тема предлагаемого сборника.

Как отойти от заведомо проигрышных шаблонов защиты? Как защищаться от обвинений в заведомой диффамации? Каковы критерии вражды и розни? Что значит на практике – «научиться плавать в соляной кислоте»? Об этих и других, не менее важных аспектах свободной и ответственной журналистики рассказывали участникам тренингов в Астане, Алматы и Актобе советник юстиции, правовой эксперт Московского бюро по правам человека, член рабочей группы по противодействию экстремизму при Генеральной прокуратуре РФ Борис Пантелеев, кандидат филологических наук, доцент университета «Туран» Рахилия Карымсакова, юрист, специализирующийся на защите свободы выражения, Сергей Уткин. С их наблюдениями, исследованиями и советами теперь, с большой пользой для себя, могут познакомиться не только журналисты, но и блогеры, начинающие юристы, гражданские активисты, – все, кто на практике реализует свое право на свободу выражения.

Международный фонд защиты свободы слова «Адил соз» выражает благодарность Центру ОБСЕ в Астане за помощь в организации тренингов и издания данного пособия.

ISBN 978-601-80030-9-7

УДК 070.13

ББК 76.01

©Фонд «Адил соз», 2014

СОВРЕМЕННЫЕ И ДОСТУПНЫЕ СПОСОБЫ САМОЗАЩИТЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ПРАВ

Пантелеев Б.Н.,
кандидат юридических наук, советник юстиции,
правовой эксперт Московского бюро
по правам человека

Современный журналист – бульмастиф или болонка?

Принципиально важно коллегам-журналистам понимать, где мы, на какой стадии развития медиа пространства находимся и в соответствии с этим какие инструменты использовать, чтобы достичь своей цели, чтобы выполнить свою миссию, но не сгореть, не саморазрушиться.

Всем вам известно выражение «журналисты – сторожевые псы общества». Когда-то мы, начиная работать в сфере свободы слова, подразумевали при этом серьезные такие породы собак

– бульмастифы, сенбернары, немецкие овчарки. А сегодня очень многие считают, что журналисты – это скорее той-терьеры, болонки, левретки и прочие такие вот дрожащие твари, которых можно перекрашивать, можно переодевать в любую одежду.

Реальность наступила очень жесткая. Когда я учился в Казанском университете, 30 лет назад один из моих ученых-наставников полушутя-полусерьезно говорил, что есть циклы экономические, которые повторяются каждые 30-50 лет, и точно так же есть научное понятие «маятника демократии». 30 лет идет этот маятник в сторону либерализации жизни общества, а потом обязательно возвращается. Следует признать, что сегодня мы с вами живем в такой период, когда маятник качается в сторону ужесточения, консерватизма, в сторону всевозможных запретительных мер.

Ситуация с изменениями профильного законодательства, которая нас, работников СМИ, сегодня постигла – это, конечно, печальная ситуация. Но тут не надо видеть злого умысла. Это реакция на глобальную ситуацию в жизни, в экономике, в общественных процессах, объяснять ее только коварством или умыслом правителя – это очень детский, наивный подход. Регулярно проводимые в России соцопросы свидетельствуют о том, что само общество требует сейчас именно такой политики. Общество

наше, к сожалению, по мнению авторитетных экспертов, действительно находится в такой степени агрессивности, одичалости, жестокости, что 90% выступает за смертную казнь, более 60% выступает за депортацию всех инородцев, иноверцев, в Москве 80-85%, в отдельных регионах 90% опрошенного населения выступает за срочное возвращение цензуры в средствах массовой информации, официальной, государственной жесткой цензуры. И что это за удивительное население? Это на самом деле уважаемые слои общества: это ветераны, семейные организации всевозможные, детки, родительские комитеты, это религиозные организации, которые настойчиво требуют, посылают письма, собирают митинги, устраивают акции по выбрасыванию телевизоров, сжиганию каких-то газет или книг, то есть это реальная общественная сила. С ней власти просто обязаны считаться! У нас, например, были попытки пикеты провести в защиту свободу слова в отношении «Эха Москвы», в отношении «Новой газеты», – но страх заключается в том, что люди, выходящие на эти пикеты, сами очень рискуют быть избитыми контр-пикетчиками. К примеру, по поводу редакционной политики «Эха Москвы» я сам видел, как на Арбате стоят постоянно реальные люди с требованием уничтожить, закрыть, немедленно все арестовать и т.д. Это, видимо, ужасно, это

совсем не нормально. Но с другой стороны, это плюрализм мнений на практике. Такова актуальная реальность.

В этой тяжёлой ситуации Алексей Симонов, председатель российского Фонда защиты гласности, говорит обычно журналистам: «Вы должны научиться плавать в соляной кислоте», то есть, чтобы быть эффективными, вы должны научиться делать, казалось бы, невозможное. Если мы этого не понимаем, то начинаем удивляться, совершать необдуманые поступки, и это вряд ли способствует качественному выполнению своей работы.

Для того, чтобы реализовывать свои профессиональные цели, нужно адекватные меры предпринимать, не какие-то там романтические, донкихотские меры. Это ситуация, когда мы должны грамотно оценить внешние условия, в которых мы работаем, и провести некие коррективы приоритетов. Я не призываю вас отказываться от своих прав, более того, я настаиваю, что это, возможно, единственный вариант выживания общества в цивилизованном мире, когда вопрос со свободой слова постоянно ставится и активно отстаивается. Но нужна корректировка приоритетов. И первое, что нужно сделать – заниматься самозащитой прав журналистов. Надеяться на то, что ваши права будут защищать государство, судьи, международные инстанции – это очень хорошо, надеяться на это можно. Но

главный приоритет должен быть на корпоративной самозащите прав журналистов. Ищите сами новые варианты самозащиты! Вот вам сегодня будет выдан сертификат по итогам этого обучения. Отнеситесь к этой бумаге серьезно, как к дополнительному аргументу в споре. Помимо того, что она очень красивая и подписана очень уважаемыми людьми, этот документ вы можете предъявлять полиции, прокуратуре, суду в отстаивании своей позиции. Выступите в качестве экспертов по собственному спорному делу!

«Охлаждающий эффект» на практике

Первое, что нужно делать, готовясь к реализации новых норм права, ужесточающих ситуацию, – нужно заниматься самостоятельно правовым просвещением, и общество просвещать. Нужно развенчивать те мифы, которые уже сложились. А они господствуют, что журналисты – враги общества, семьи, государства, политики и т.д. Это теперь массовое явление. Оно внедрялось 20 лет, устойчиво существует, но нужно с этим бороться. Вы иначе, как сапожник без сапог – реагируете, обслуживаете чьи-то интересы, но не можете обслужить свои собственные элементарные профессиональные интересы. В чем это практически заключается?

Как вы думаете, какая проблема, с точки зре-

ния официальных оценок, является самой главной в посягательствах на права журналистов?

- *Непрофессионализм?*

- *Вторжение, может быть, в частную жизнь?*

- *Ограничение доступа к информации?*

Если мы имеем в виду официальные отчеты, то всегда говорят: главное зло – это убийство журналистов. Второе – это нападение на редакцию, третье – повреждение аппаратуры, отсутствие доступа в места съемки и т.д. Как видим, шкала ценностей выстроена не с точки зрения ответственности власти, а с точки зрения бытовой, топорной, в прямом и переносном смысле, преступности. И наши полицейские, прокурорские работники, судьи понимают очень узко тему нарушения прав журналистов – это когда журналиста убивают, а все остальное вроде как бы ничего, это еще спорный момент, может быть, еще не стоит дело возбуждать и т.д. Вот у нас было дело Бекетова. Его жестоко забили, но не убили. Он умер через 3 года после того нападения. И все сошло преступникам – ведь не убили, и дело фактически развалилось, не расследовали его как следует. Это ужасная повседневная ситуация возникла в силу ложных приоритетов.

На самом деле спектр нарушений свободы слова очень широк, и начинать, с моей точки зрения, нужно бы именно с действия властей в отношении журналистики. Есть такое между-

народное понятие «охлаждающий эффект». Что это такое на практике? Чиновник прямо не говорит – а Вы не пишите на эту тему! Он просто своим поведением дает понять, что дешевле вам будет забыть, что у меня есть супердорогая дача: если вы начнете на эту тему думать и писать, то будут обязательно проверять вашу редакцию на предмет температурного режима работы и легальности программного обеспечения компьютеров; СЭС к вам придет, а дальше уже – несвоевременное представление информации, недопуск на какую-то территорию, повреждение или изъятие фото-, видеокамеры, потом угрозы убийством, угрозы, приведенные в реальность и т.д. Или же когда принимаются пакеты законодательных норм, направленные на понижение интереса журналистов или возможности журналистов копать в каких-то «опасных» темах и т.д. А какая самая мягкая форма давления на журналиста?

- *Непредоставление информации, подкуп...*

- Если рассуждать с точки зрения международных стандартов, то это как раз ужесточение законодательства. Это и есть форма давления на журналистов. Вас постоянно пытаются на уровне государственных норм сориентировать, что можно делать, что нельзя. Пытаются игнорировать Ваши профессиональные интересы и всю журналистскую рать построить в одну государственную шеренгу. И ведь это часто удается!

Ведь большинство из нас уже привыкли все время перестраховываться, преклоняться и оправдываться перед чиновниками – слугами народа: «А можем ли мы использовать его фотографию, а можем ли мы попасть к нему на прием, а можем ли получить от него комментарий?»

Мы должны в своем сознании, а затем и на практике перевернуть эту пирамиду ответственности. Это наша единственная возможность, наша реальность. Мы сами должны думать о своих профессиональных правах и активно защищать их. Законы-то на нашей стороне, мы требуем всего лишь реализацию на практике действующего закона. И нужно очень жестко самим переворачивать эту пирамиду. Почему какой-либо чиновник, скажем, конкретный глава города, аким такую дикую ситуацию допустил, что он давно уже занимает ответственную должность, а нет в открытом доступе ни одной его приличной фотографии, на которую вы можете ссылаться? Почему он, как сомнительный субъект, скрывающий свою личность, в принципе допустил такую ситуацию и ссылается на запрет публиковать своё изображение? Разве он находится в международном розыске? Почему он считает возможным не отчитываться перед обществом, перед журналистами и не делать это периодически? Вы говорите, что нет специального закона. Я утверждаю, что есть закон – это Конституция, где

говорится, что Республика Казахстан провозглашает и утверждает себя демократическим государством, а гласность, открытость – один из основополагающих принципов демократии. Таким образом, есть конституционный принцип открытости, который обязаны все соблюдать. Если чиновник отрицает или не исполняет этот принцип, он не соответствует занимаемой должности. Вопрос так надо ставить всегда самим, жестко, на опережение.

Общее решение частных проблем

Конечно, каждый журналист – это личность, индивидуальность и т.д., но эффективно защищать права журналистов может только структура. Вопросы наличия этой структуры, ее статуса, соответствия законодательству до сих пор остаются очень острыми. Очень многие журналисты работают в условиях, когда они не имеют длительных трудовых договоров, и эта ситуация все более ухудшается. Вот мы изучали канал РБК, казалось бы, такой крутой, учредители иностранцы, все сделано очень солидно. Но известный в прошлом журналист Любимов, гендиректор канала, говорит публично, что у них есть такое понятие, как «неоплачиваемая стажировка кандидатов на должность журналистов канала РБК», причем эта неоплачиваемая стажировка может длиться несколько месяцев. Мо-

жете себе представить, что тогда происходит в региональных каналах или региональных издательствах? Рабский труд людей, которые могут месяцами работать, и они должны быть счастливы, что их вообще допустили пользоваться этим брендом. Вот мы столкнулись с ситуацией: российский журналист был направлен в командировку в Грузию снимать сюжеты по заданию редактора. Приехал, снял сюжеты, их потом смонтировали и показали в прямом эфире. Ему же сказали «молодец» – и дальше свободен, не будем с тобою договор далее заключать. Не оплатили ничего – и как он может бороться за свои права? Если мы не задумаемся срочно о профессиональном, трудовом статусе журналиста, то говорить о его какой-то профессиональной защите очень сложно.

Обязательным элементом трудового договора должна стать этическая составляющая деятельности журналиста. Это очень щепетильная тема и для журналистов. Есть такая большая ложь, что сегодня в нашей стране, например в России, есть единое понимание этики. Для медиа это очень актуально тоже. Люди фактически никогда в обычной жизни не пересекаются, зарплаты между рядовым сотрудником издания и генеральным директором могут различаться в 30-50 раз, но они якобы придерживаются неких единых этических стандартов и общего понимания ценностей профессии. Если это так,

то это должно быть где-то выражено, обязательно закреплено и в случае, когда возникает конфликтная ситуация, этот документ должен быть предъявлен обиженной стороне: исходя из каких стандартов мы работаем, исходя из каких ценностей мы называем вещи так или иначе. У нас есть множество объединений и медиа структур, например, в России создана Гильдия православных журналистов, есть Гильдия мусульманских журналистов. Но раз они объединились в свою собственную, по религиозному принципу, гильдию, то, наверное, на какие-то вопросы у них принципиально разные взгляды и свои понятия о ценностях. Даже внутри старого Союза журналистов, вы знаете, раскол произошел, идет жесткая борьба по целому ряду пунктов. В частности, сейчас у нас идет подписание нового этического кодекса Союза журналистов России, из которого теперь выкинуты принципиальные составляющие о конфликте интересов. Раньше написано было, что журналист не имеет права совмещать свою деятельность с занятием какой-либо должности в государственных структурах, в партийных органах. Теперь целый ряд депутатов, которые одновременно у нас являются журналистами и очень сильно гордятся этим, хотя ранее сообщество осуждало их за такое понижение статуса журналистской профессии, подготовили свою редакцию и вообще исключили эту ста-

тью из кодекса этики как ненужную. Вот поэтому обязательный вопрос о том, как нам нужно укреплять редакцию, укреплять свой трудовой статус, правовой статус, чтобы встретившись с обвинениями выступать достойно и результативно защищать профессиональные интересы.

Логически третий уровень подготовки к возможному ужесточению законодательства – это создание журналистского профсоюза. Он тоже не должен быть один на всю страну, и в этот профсоюз должны войти реально авторитетные люди. Это не должен быть незамечаемый властями профсоюз, как это пока происходит.

Пожалуйста на нас!

Теперь о самых серьезных и самых распространенных обвинениях – в унижении чести и достоинства, что часто предъявляют обиженные журналистами заявители в уголовном порядке или в гражданском процессе. С этим тоже необходимо работать в режиме профилактики. Для начала я очень советую присмотреться к опыту британской газеты «Гардиан». Они ввели специальную должность в редакции – Уполномоченного по жалобам читателей. Ему дают возможность раз в месяц особую вкладку делать для обратной связи с читателями. Они не игнорируют и не отбиваются, как многие наши издания, от претензий, наоборот,

заманивают, типа «пожалуйста на нас, дайте нам обратную связь. Мы с удовольствием рассмотрим вашу жалобу и опубликуем в специальной вкладке раз в месяц все, что вы хотите». И активно реагируют буквально на все виды претензий. Им пишут: у меня кошка рыжего цвета, а вы сказали, что она желтого цвета, дайте опровержение, что она у меня рыжая, а не желтая» – вот тебе опровержение, и так далее, вступают в диалог с любым спорщиком. То есть, самой редакцией проводится политика навязывания в этом отношении услуг по мониторингу, призы самым внимательным, тем, кто ошибку нашел и т.д.

В вашей ситуации, когда вы под пристальным вниманием, очень эффективный способ борьбы – это еще больше усилить эту игру и сказать – давайте, ещё жалуйтесь. Для чего это вводится – для досудебного разрешения конфликтной ситуации. А потом, когда на вас начнет кто-нибудь «наезжать», вы всегда можете сказать: да вы что, уважаемый депутат, что ж вы не сообщили сразу, да мы бы вас облизали, восемь раз погладили, стоило вам только добросовестно указать нам на наши ошибки сразу...или Вы это от жадности конфликтуете? Давайте это обсудим ... и т.д. и т.п. Добровольное удовлетворение всегда учитывается судом, а иногда фактически снимает судебную процедуру.

Итак: в любой ситуации лучше вступать в переговоры, обсуждать конфликтные ситуации, даже навязывать эту услугу, – это основание потом, на суде сказать, что мы как добросовестные журналисты готовы были снять конфликт, а его раздувает та сторона, соответственно, весь ущерб, который он сейчас накрутил, он накрутил из корыстных соображений.

- Вот эти фразы: «Редакция не всегда разделяет точку зрения автора, редакция может не разделять точку зрения автора», – они каким-то образом могут редакцию обезопасить?

– Нет. Единственное, что может в данной ситуации помочь и что реально у нас делают – дают врезку типа «Данный материал редакция просит расценивать как официальное обращение в правоохранительные органы с заявлением о возбуждении уголовного дела по изложенным здесь фактам. Мы с удовольствием опубликуем ответ из прокуратуры по результатам проведенной ею проверки». Тогда весь материал может расцениваться как публичный запрос, вы подвешиваете ситуацию на неопределенный срок для надлежащей проверки. Кто бы к вам ни пришел с требованием опровержения, вы скажете: «Извините, через вот этих товарищей с их печатью приносите, мы все обязательно опубликуем как официальную позицию правоохранительных органов».

Заведомые преступления

Ещё один важный правовой нюанс: Обязательный компонент уголовного преследования за распространение ложной информации – **заведомость**. В вашем новом Уголовном кодексе появилась новая статья, так что теперь распространение заведомо ложной порочащей физическое лицо информации – это клевета, а те же действия в отношении интересов государства, общества, общественного порядка и т.д., там довольно большой и расплывчатый круг объектов – это просто «распространение заведомо ложной информации». Но и там, и там классифицирующий признак данного преступления – заведомость.

Что такое заведомость? Различные толковые словари объясняют: заведомо – это «безоговорочно, бесспорно, ведающе, зазнаемо, зазнамо, знаючи, зная наперед, известно, иначе и быть не может, конечно, не иначе, не подлежит сомнению, несомненно, обязательно, очевидно, подлинно, понимая, разумеется, само собой разумеется, самоочевидно, осознавая, умышленно, фактически, явно», – вот такой богатый набор синонимов. В России, например, практически нет сегодня реальных дел в отношении обвинений журналистов в клевете, поскольку они, во-первых, признаны слишком резонансными. Власть не хочет по-

лучать длительный скандал, связанный с обвинениями в репрессиях в сфере защиты свободы слава. Гораздо интереснее действовать методами хотя бы и уголовными, но по обвинению журналистов в коррупции или мошенничестве. Во-вторых, в таких делах нужно доказать, причем доказать однозначно и бесповоротно, наличие этого ключевого признака – заведомости. Я как юрист, как бывший прокурор и судья считаю по своему опыту абсолютно неперспективным возбуждение уголовного дела в отношении журналиста по статье, где есть термин «заведомость». Почему так получается на практике?

Есть правовое понятие, известное всем, – заведомо ложный донос. Оно есть в любом праве – в российском, в казахстанском, в американском, в любом. Что это такое? Это специальная правовая конструкция. Любое уголовное дело начинается с того, что приглашается или сам приходит человек, который считает себя жертвой, потерпевшим. Ему говорят: «Мы готовы с тобой работать. Но мы запускаем маховик государственной машины, на тебя будут работать дознаватели, полицейские, прокуроры, судьи, эксперты, будем тратить бензин, бумагу, почту напрягать все силы при одном условии. Дай нам гарантию, что Ты отвечаешь за свои слова?» И всякий заявитель говорит: да, отвечаю. «Тогда подпиши бумагу, где мы тебя

предупреждаем о том, что все, что ты после этого скажешь, будет иметь правовое значение, и ты понесешь наказание, если мы выясним, что то, что ты потом скажешь, это ложь». Это правильная человеческая и юридическая логика. Человек официально расписался и дальше сообщает: вот такой-то меня избил, вот такая-то меня обокрала. Вот она, правовая юридическая логика: вначале предупреждение, потом текст, потом обязательная ответственность за всякую выявленную ложь. Документированная настоящая заведомость бывает только такая. В своей практической деятельности хоть один журналист когда-нибудь в такой ситуации оказывался? Чтобы, скажем, ему глава администрации или кто-то из сторон принес документы. Там рассказывается история какой-то аварии, происшествия какого-то. А журналист ровно наоборот пишет и публикует: что машина была не красная, а белая, что за рулем сидел не мужчина, а женщина и что виноват в этом происшествии не этот человек, а тот. И все это публикуют потом в СМИ. Бывает такая ситуация?

- *Разве что теоретически.*

- А практически такого не может быть ещё по одной причине. У вас как у журналиста есть такое же право, как у следователя, изучать ситуацию, собирать доказательства, давать оценку, проверять факты и излагать эту информа-

цию в том виде, в каком вы ее поняли и считаете убедительной – есть право излагать свою версию событий. И есть презумпция невиновности – раз журналист это делает, если он убежден в правоте своих текстов, то о заведомости в принципе не может идти речи. Единственное вменяемое доказательство: потерпевший представляет суду какой-то письменный документ или видеодокумент том, что вам, журналисту, подлинную версию событий изложили убедительно, однозначно, документировано. Вы с этим ознакомились, сказали: да, я все понял, дело обстоит именно так, – а потом опубликовали совершенно противоположный вариант. **Вот что такое заведомость, с точки зрения права, доказанная надлежащим образом заведомость.** Если у обвинителя таких доказательств нет, вы можете выдвинуть как минимум пять встречных вариантов объяснений, почему вы так поступили. Очень разные причины: а я не так понял, а у меня сомнения возникли, а я через три минуты встретил еще человека, который мне рассказал, что это было, оказывается, не так, а появился еще один документ, а я посмотрел еще одну версию, я посчитал, что нужно перепроверить то, что мне только что сказали. Ведь есть такой принцип правовой: «никто не может быть обвинен в том, что сегодня он умнее, чем был вчера». Вчера я искренне заблуж-

ждался, сегодня я получил новую информацию, пересмотрел всю свою жизненную концепцию, теперь буду жить по-другому. У каждого есть право на совершенствование, на изменение своих позиций и т.д. Когда речь идет о документах, о предъявлении документов, вы должны еще говорить об участии в этом конфликте экспертов, специалистов, третьих лиц.

Еще одно направление работы в условиях изменения законодательства – это подготовка к ведению стратегического процесса. Если мы хотим повлиять на законодателей, если мы хотим изменить законодательство, особенно в такой сфере, которая очень чувствительна, нужно к этому вопросу тщательно готовиться. Готовиться – значит самим планировать и выстраивать стратегический процесс. Это, конечно, совсем отдельная тема, но смысл в том, что будет очень здорово, если кто-то из вас, узнав на очень ранней стадии, что претензии по обвинению журналиста в клевете имеют, как у нас говорится, судебную перспективу, привлечет профессионалов к этому делу и подготовят выступление, материалы для рассмотрения в суде таким образом, чтобы они имели стратегическое значение и могли потом быть обжалованы в международные органы, чтобы это было не просто жалобная такая «печалька», как сейчас молодежь говорит, а чтобы это был документ,

способный повлиять на ход истории. То есть для этого нужен особый подход и стратегический процесс. Я глубоко убежден, что такого рода дела – это на самом деле, по сути политические компании, в которых достигаются не правовые цели, а цели, как это правильно было сказано, внести «охлаждающий эффект» во всё журналистское сообщество, сделать какие-то темы закрытыми, сделать какие-то персоны нерукопожатными, вывести их из сферы публичного интереса. Это для юриста очень интересные дела, и мы готовы в качестве международных экспертов участвовать в разборе таких ситуаций, но для этого нужно не бояться их, а влезать в них, даже провоцировать такие дела, чтобы формировать стратегические процессы.

- А можно по ходу рассмотреть пример из нашей практики? Вот у нас в этом году было два обвинительных приговора по клевете. И в обоих приговорах доказательство заведомости было построенное на неприязненных отношениях. Журналист или гражданский активист защищал кого-то в судах и проникся неприязнью к оппоненту. В результате из чувства мести и желания навредить он опубликовал заведомо ложные сведения. Для наших судей почему-то именно неприязнь – гарантия заведомости публикации ложных фактов.

– Совершенно ошибочная правовая позиция.

О доказательствах

Сегодня, с точки зрения современного практикующего юриста, который работает, скажем, в Москве, нет никаких доказательств, кроме верифицируемых и находящихся на каких-то цифровых носителях. Сегодня, если в Москве какое-то дело в суде рассматривается, есть только 3 доказательства, которые принимаются безусловно. Какие три доказательства? Первое – это данные видеокамеры. Здесь есть видеокамера? Она что-то снимает. Вы находились в этом зале сегодня? Значит, это факт установленный. Если этот факт видеокамера не подтверждает, вы можете 105 свидетелей привести, то вам откажут по сути, скорее всего. Вот последнее интересное уголовное дело было, в отношении Данила Константинова, рассматривалось в Чертановском суде. Его обвиняли в убийстве, происшедшем на другом конце Москвы, совершенном в день его рождения. Он в этот день сидел в ресторане, вместе с ним было еще 30 человек. Все 30 человек пришли и выступили в суде свидетелями, сказали, что у него алиби. Но обвинители говорят – нет, он записан на видеокамере, что он был на месте происшествия. Показания 30 человек – в корзину, видеокамера побеждает в суде.

Второе доказательство, которое принимается сегодня полицейскими, следователями как

безусловное. Это биллинг (распечатка) телефонных разговоров. Где вы находились, с кем разговаривали в это время – можно легко узнать в архиве. Если эту информацию оперативно взять, то, соответственно, эта распечатка скажет, где вы были, с кем конкретно общались. Если 25 свидетелей будут это отрицать, то техническое доказательство будет дороже для суда, чем 25 свидетелей.

И третье доказательство, которое сегодня непосредственно относится к делу и которое мы тоже рекомендуем применять – это полиграф. Значит, важно выяснить, что у вас есть в Казахстане такие подготовленные специалисты, с которыми мы уже успешно сотрудничаем. У нас общие методики, нет никаких противоречий в общих подходах. Если вопрос о добросовестности стоит, о заведомости, то для того, чтобы отменить эти приговоры или их пересмотры инициировать, можно, например, пройти какую-то проверку техническими средствами, которые могут быть положены в основу жалобы. Когда начинают объяснять заведомость через неприязненные отношения – это дикость, уход в совершенно другую степь. Правовые критерии четко прописаны, и их нужно соблюдать.

– Совсем недавно в Уголовный кодекс Казахстана ввели новую статью – распространение заведомо ложной информации, наказание

выше, чем за убийство – до 10 лет лишения свободы.

– Я вам уже говорил ранее про исторически разные стадии правосудия: принцип «талиона», кровная месть, судебные поединки, инквизиция, объективный процесс. Такие пережитки и сегодня существуют в обществе. Правоведение – это настоящая наука, в которой есть своя логика и системность. Когда депутаты плохо подготовлены, то они инициируют разные странные законопроекты. Если их принимают, то наносится фактический вред самой идее правосудия. Результат печальный для закона в целом. Его никак нельзя называть юридическим состязательным процессом. Никакие ученые мужи явно не сидели и не думали тщательно над формулировками этой статьи. Это очень похоже на поспешный политический заказ. Он является волюнтаристским решением очень сложной реальной проблемы. Единственное что немного оправдывает авторов, это то, что этот закон во многом объясняется требованиями агрессивной части общества и сложной политической ситуацией.

– Если эти законы о заведомо ложной информации является мертворожденными, для чего их тогда принимают?

– Для того, чтобы показать, кто в доме хозяин, создать «охлаждающий эффект» в обществе, чтобы те журналисты, которые почему-то

считают себя одновременно и политическими деятелями, получили ясный импульс и приутихли. Это есть конкретное выражение трудной общественной ситуации в наших странах.

В ваших судебных делах, которые мы сегодня анализируем, многое характеризуется как злоупотребление свободой слова с точки зрения лица, которое считает себя потерпевшим. Он, можно сказать, изобретает преступление. Очень часто вас обвиняют в том, что прямо не записано в законе. Это, к сожалению, очень распространенная вещь в обществе со слабым правовым сознанием. Всегда есть некий конфликт между писанным правом и традицией, между обрядами, обычаями и писанным правом. Я вот был на семинаре в республике Адыгея. Там председатель суда говорит: «я, конечно, судья высшей категории, но нашему традиционному закону я не могу никогда сидеть за одним столом со своей тещей, иначе меня все засмеют, и я потеряю авторитет даже в глазах своих коллег. Понимаю, что странно, но это закон гор». Вот такие традиции. Возможно, их следует уважать, но ни в коем случае нельзя допускать, чтобы они были перенесены в светское правосудие. Вы в своих рассуждениях, в том числе и когда к вам предъявляют какие-то претензии, очень четко должны их разводить эти понятия. Во всяком случае, нужно всегда обозначать, что, может

быть, это с точки зрения жуза или с точки зрения традиции считается самым страшным преступлением уже много сотен лет, но это никак не наказывается уголовным кодексом Республики Казахстан.

Пойдем дальше анализировать перекосы судебной практики. У вас очень много, как и в России, желающих «оттоптаться» на виновной стороне. Как это проявляется чаще всего? В первую очередь, это требование извинений от журналистов. Истцы на полном серьезе хотят, чтобы вы продемонстрировали свое раскаяние, упали в ноги, целовали сапоги, подставили попу, чтобы вас выпороли кнутом, и продемонстрировали прочие жесты унижения. Я родом из Татарстана, у нас там однажды за публикацию, которая была признана недостоверной, главный редактор крупной газеты послал автора в деревню к обиженному аксакалу в рабство буквально. Сказал прямо своему сотруднику: ты у него будешь две недели жить в сарае, копать картошку, чинить забор и просить прощения, пока он сам не приедет и не скажет, что ты прощен. Такие рецидивы в той или иной форме и сегодня проявляются. Но важно помнить, что перечень наказаний установлен исчерпывающим образом в законе, все остальное – это произвол, это самоуправство. Это себе четко уясните. Может быть, по жизни вы бы и сами хотели, чтобы вас однажды

нагайкой ударили и простили – и пошел уже свободный, ну его к лешему, этот долгий суд. Но нельзя на это идти и рассчитывать, что это снова не повторится и, если вы пройдете через это унижение, вам через полгода все-таки не предъявят иск. Один раз спину согнул, потом обязательно еще желающие найдутся нагнуть вас. Поэтому надо следовать Конституции, где каждому гарантировано право на собственное мнение, причём даже ошибочное!

Чужая честь и моральный вред

– Могут ли разрешаться в суде споры по защите чести, достоинства умерших людей?

Мы исходим из того, что это незаконная попытка защитить честь и достоинство, поскольку это индивидуальные и неотъемлемые, присущие живому человеку качества, которые утрачиваются в связи с его смертью. Любая оценка может быть неоднозначна, и отношение самого умершего выяснить уже невозможно. Вот главный довод, который мы раскручиваем в ходе процессов, которые и у России бывают по этому поводу. Отсутствие единого, однозначного понимания позиции того, чьи интересы якобы защищаются, делает бессмысленным само вынесение какого бы ни было решения. Здесь судом должен быть дан ясный отказ в рассмотрении дела по существу. Когда речь идет о защите че-

сти и достоинства умершего, это однозначно предположительный характер процесса, и вам это надо подчеркивать, выступая против иска.

- У нас недавно студенты консерватории обратились в суд по поводу постера, где Пушкин целуется с Курмангазы – и выиграли.

Этот казус получил большую известность и у нас. Первоисточник творчества авторов этой картины – граффити «поцелуй Брежнева с Хонеккером». Эта картина сегодня является бесспорным шедевром современного искусства, оригинал бережно в Берлине хранится. То есть, у вас была актуальная попытка сделать реплику на шедевр. А по сути это реклама какого-то ночного клуба. По закону, неэтичной является реклама, которая порочит объект искусства, составляющий национальное или мировое культурное достояние. Является ли анализируемый нами «портрет с поцелуем Пушкина-Курмангазы» объектом высокого искусства? Жалобщики считают, что однозначно нет. А вот тогда встаёт новый острый вопрос: тот, кто его запрещал – что именно запрещал? Как высказывание, как призыв, рекламу или экстремистский жест?

– Студенты не защищали ничью честь и достоинство, они требовали компенсацию морального вреда за собственные оскорбленные чувства. Возможна компенсация мораль-

ного вреда за посягательство на чужую честь и достоинство?

– Это абсолютно невозможная ситуация с юридической точки зрения. Проблема в том, что такой вред является гипотетическим, его невозможно установить и проверить объективно.

– Для меня моральный вред – абсолютно субъективная оценка, по факту он может сеledки наесться и всю ночь от этого не спать.

– Совершенно правильно, так и нужно рассуждать. У нас вот было реальное дело – судья увидела в газете карикатуру на себя и подала иск о защите чести и достоинства, написала, что она так расстроилась, что не смогла вести прием граждан, теперь увидев заявителя, плачет, гипертоническое давление у неё растёт – как бы буквально трактует, что ущемление чести и достоинства настолько ее дезориентировало.

Вот вы должны в таких случаях в качестве возражений на это в суде говорить, что мы выявили по итогам публикаций психическую нестабильность этого человека и его неспособность осуществлять свои функциональные вопросы в стрессовом режиме и т.д., и т.п. Утверждать, что человек сам расписывается в профнепригодности, что обиженная сторона нуждается в увольнении и лечении.

Размер морального вреда – это вообще очень индивидуально, всегда устанавливается

судом с учётом множества факторов. Кого-то только бодрит матерное слово, кто-то вообще пропускает мимо ушей, а кто-то краснеет и теряет дар речи. Это все устанавливается строго индивидуально по итогам комплексного изучения различных доводов. Мы рекомендуем в таких случаях направлять на системное обследование на полиграфе с точки зрения психико-соматических реакций на те или иные события. Может, человек по жизни такой, что нуждается в лечении и госпитализации, а прочитанная им газета лишь послужила толчком для того, чтобы выявить болезнь, скрыто протекавшую уже длительное время. Поэтому мы и предлагаем использовать специальные приборы для верификации доводов заявителя. И говорим, что если человек вдруг резко изменился, то нужно обязательно выяснить, какова роль именно этой конкретной публикации. Причинно-следственную связь надо устанавливать обязательно в каждом случае. Ведь достоинство – это внутренняя, как правило, завышенная самооценка человека, а суд должен всегда приходиться к объективному решению.

Такой же примерно алгоритм защиты применяется в спорах об умалении деловой репутации и возмещения репутационного вреда. Здесь что мы можем сделать на практике? Работать нужно по аналогии защиты авторских прав и интеллектуальной собственности. Что

важно доказать: только то подлежит защите внешними ресурсами, что строго соблюдается и всегда защищается самой компанией. То есть, нужно как бы пасовать мяч на сторону истца и потребовать, чтобы он доказал, что для него есть такое понятие, деловая репутация, что они над этим понятием работают, что у них есть, например, внутренняя антикоррупционная политика, комплаенс-система, работа с персоналом, работа по защите информации. Если они убедительно докажут, что для них это реальная ценность, тогда есть основания претендовать на компенсацию делового вреда.

Я готов вам привести ещё большее количество аргументов, которые журналисты могут использовать, отстаивая свое право на мнение. И я убежден, что если мы объединимся, изучим свои права и специально подготовимся, то на все такого рода обвинения можно отвечать достойно, без унижений, без раскаяния, без слез и соплей, а на высоком профессиональном юридическом уровне.

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ПИСЬМЕННОЙ И УСТНОЙ РЕЧИ

Р.Д. Карымсакова,
кандидат филологических наук,
доцент университета «Туран»

Я более 12 лет занимаюсь проблемами лингвистической экспертологии и часто участвую в судебных процессах. Сегодня мы будем говорить о лингвистической безопасности письменной и устной речи, безопасности, прежде всего, журналистских публикаций.

Опросы в России показали, что 80% носителей русского языка осознают, что за критические высказывания в адрес людей или компаний может наступить правовая ответственность. Я провела опрос в своих студенческих группах – почти все студенты знают, что в Уголовном кодексе есть статьи «Оскорбление», «Клевета», в Гражданском кодексе есть статья 143 – «Защита чести, достоинства и деловой

репутации». Наша задача сегодня – посмотреть, как журналисту не образовать то, что мы называем «зоной риска». **Зона риска – это такие высказывания, сообщения, тексты, в которых журналист «подставляется» под возможность судебного процесса о распространении порочащих сведений, оскорблений, клевете, возбуждении вражды и т.д., и т.д.**

В начале 90-х годов в России валом хлынул поток судебных исков к СМИ и журналистам. И наука, конкретно прикладная лингвистика и юрислингвистика, которая находится на стыке языка и права, оказалась не готова к тому, чтобы дать научно-методические рекомендации для исследования спорных работ. К проблеме подключились известные российские ученые, они создали несколько пособий, которые помогли нам, казахстанским лингвистам. Авторский коллектив, 4 доктора наук написали монографию, и в ней привели вопросы, которые им часто задавались. Вот первый из них: **«Можно ли сформулировать для журналиста своего рода «катехизис» – список прямых указаний, рекомендаций и, так сказать, запретов, буквальное соблюдение которых гарантирует «защищенность» текста? Ответ: «Мы полагаем, что нет. Журналист попадет тогда в положение знаменитой сороконожки, которую спросили, какой ногой она сделает следующий шаг, после чего, задумавшись об этом, она вообще не смогла сделать ни одного шага».**

Так ученые отвечали в 97-ом году. Но и сегодня никто не даст гарантию того, что любой, по сути дела, текст СМИ не будет оспорен в суде, если в нем есть критическая информация.

Какие сведения порочат?

Давайте рассмотрим дефиницию порочащих сведений, «любимую» юристами и журналистами. В любом исковом заявлении, с которым истец обращается в суд, эта дефиниция присутствует – что такое порочащие сведения, что такое честь, достоинство, деловая репутация.

Вот как определяют их нормативное постановление Верховного суда РК «О применении в судебной практике законодательства о защите чести, достоинства и деловой репутации граждан и юридических лиц»: «Порочащими являются *не соответствующие действительности сведения, которые умаляют честь и достоинство гражданина или организации в общественном мнении или мнении отдельных граждан с точки зрения соблюдения законов, моральных принципов общества* (например, сведения о совершении нечестного поступка, недостойном поведении в трудовом коллективе, в семье, сведения, опорочивающие производственно-хозяйственную деятельность, репутацию и т. д.). В то же время не могут признаваться обоснованными требования об опровержении сведений, содержащих соответствующую

действительности критику недостатков в работе, в общественном месте, коллективе, быту».

Из этой дефиниции вытекают следующие отличительные признаки порочащих сведений: они не соответствуют действительности, они сообщают о нарушении им законов и моральных признаков общества. И третье – они должны быть распространены.

Что понимается под не соответствующими действительности сведениями? Конечно, это, прежде всего, должна быть фактологическая информация: поступок, событие, действие, поведение, то есть это должны быть утверждения, которые можно проверить. Однако в последние годы лингвисты-эксперты прибавили еще один объект, который можно проверить на соответствие действительности. Речь идет об объективированной оценке.

Что это такое, **объективированная оценка**? Допустим, президент Кыргызстана говорит: «Я считаю, что вам повезло с первым президентом». Понятно, что это утверждение, в котором выражено сугубо субъективное мнение, субъективная оценка, на это указывает общеоценочный глагол «повезло», указывает маркер «я считаю».

А вот высказывание: «Она плохая мать». Это утверждение, потому что в конце ставится точка, в нем утверждается нечто о предмете. Попутно отмечу, что по содержанию утвердительные суждения подразделяются на утверж-

дение о фактах (это собственно утверждение), предположение, мнение, оценочное суждение. В отличие от утверждений о фактах, которые могут быть верифицированы, то есть проверены на соответствие действительности, мнения, оценочные суждения как выражение субъективных взглядов, мнений лица не могут быть верифицированы.

Высказывание «Она плохая мать» – это оценочное суждение, есть оценочное слово «плохая». Мы можем эту оценку проверить? Или мы скажем – нет, это субъективное мнение?

Это оценочное суждение – «плохая мать» – может быть проверено на соответствие действительности, потому что в законе о браке и супружестве прописаны критерии добросовестно выполняемых родительских обязанностей, по которым можно вычислить нерадивую мать. То есть можно проверить эту оценку, опираясь на нормы закона.

Можно привести и ряд других примеров, допустим: «Он плохой работник». Может это оценочное суждение быть проверенным? Да. Потому что есть критерии нормальной работы, например, в должностной инструкции. Поэтому здесь мы тоже будем говорить об объективированной оценке.

Таким образом, **НЕ ВСЕ оценочные суждения могут быть раз и навсегда отнесены к непроверяемым материалам.**

Рекомендации по смысловой защите текста

Ученые Кемеровского госуниверситета под руководством Михаила Андреевича Осадчего в 2011 году исследовали устную публичную и письменную коммуникацию. Они проанализировали публичную речевую деятельность ток-шоу и политических дебатов, исследовали материалы «Московского комсомольца» в Кузбассе и «Известия». В результате исследований был определен набор тактик ухода от правовых рисков в современной российской лингвокультуре.

Хочу познакомить вас с этими тактиками. Их всего пять, и они все универсальные, то есть, они могут быть использованы при уходе от рисков, связанных с совершением всех видов вербальных правонарушений. Это и распространение порочащих сведений, это и клевета, и оскорбление, и возбуждение вражды, угрозы и др.

Первая тактика – **манифестация субъективности**. Эта тактика используется очень часто. Цель ее – стремление говорящего выдать передаваемую информацию за субъективное мнение, предположение. Для этого в предложении вводятся показатели субъективного мнения и предположения, то есть, маркеры субъективности: *мне кажется, наверное, быть может, возможно, полагаю*, глагольные формы сосла-

гательного наклонения. Многие журналисты используют эту тактику, правда, у некоторых это совсем неуклюже получается. Посмотрим примеры.

«Мне все больше кажется, что менеджмент ведет компанию к банкротству (вместо: Менеджмент ведет компанию к банкротству).

В этом примере маркер «Мне все больше кажется» указывает на субъективность, предположительность передаваемой информации, что, конечно, снижает риск правовой ответственности и за клевету, и за распространение порочащей информации, а также возбуждение вражды, для которой тоже очень важна форма. Хотя и стиль (конечно, это в контексте будет выявляться), и интонация позволяют адресату понять, что элемент «мне все кажется» является лишь маской говорящего, формально риск правовой ответственности снижается.

«Я расцениваю его действия как прямой подрыв экономики региона и нарушение конституции» (вместо: Его действия являются прямым подрывом экономики региона и нарушением конституции).

«Я расцениваю» – тоже маркер. Здесь дается оценка говорящим некоторых событий, каких-то действий. Информация о том, как расценивается говорящим какое-либо событие, не может быть проверена в силу не только того, что это субъективное мнение. Когда мы гово-

рим «я расцениваю», то речь идет о ментальных процессах, которые нельзя ни зафиксировать, ни измерить, в отличие от объективированной оценки.

«При иных обстоятельствах менеджмент давно бы уже довел предприятие до окончательного банкротства, но ситуация резко поменялась».

В этом примере глагол используется в сослагательном наклонении: «давно бы уже довел до банкротства» вместо «вел предприятие к банкротству».

«Теперь, по прошествии года с момента выборов, что мы можем сказать? Говорил ли он нам правду в своих пламенных предвыборных речах? Или все же врал, глядя прямо в глаза народу?» (вместо: Он врал).

Тут вместо утверждения стоит вопрос «он врал». Вы знаете положение лингвистической экспертологии, что в вопросительном предложении нет утверждения о каком-либо фрагменте действительности, а есть только запрос информации. Правда, есть один вид вопросительных предложений – риторические вопросы. Там есть кусочек, который лингвисты признают за утверждение. Например: «Что можно ожидать от детей, которые не ухаживают за своими родителями?». Если в контексте эта фраза относится к какому-то конкретному лицу, то в ней есть утверждение о его поведении, которое проверяемо. Вот риторический вопрос.

Во всех остальных видах вопросительных предложений мы видим только запрос информации, а не утверждение о факте.

Следующая тактика – **«затемнение референта»**. Ее цель – заменить прямые номинации, прямые наименования косвенными.

Способов реализации этой тактики очень много, к ее услугам все стилистические ресурсы языка. Это намек, расширенные метафоры, иносказания и умолчания.

Намек. Мы иногда делаем намеки исторические, литературные. Намеки хорошо работают в журналистском тексте для того, чтобы выразить отношение, дать оценку. Например, «Всем нам хорошо известный депутат шел на выборы с лживыми обещаниями». Элемент «всем нам хорошо известный» является намеком на лицо, известное автору и аудитории. Успешность данного намека будет зависеть от степени совпадения актуальных и фоновых знаний адресата и адресанта. Если совпадают и те, и те знания, то, естественно, сведения об этом лице будут выведены. Но намек есть намек. Нет конкретного указания. Порочащие сведения – ведь это сведения о конкретном лице, а здесь лицо не указано.

Еще пример. «Как водится, после смены власти открылись некоторые подробности о прежней администрации. Выяснилось, что и бывший мэр был не без греха». (Вместо: «Мэр совершил правонарушение»). Здесь референт

затемнен намеком «не без греха». У этого слова неограниченный потенциал интерпретаций. То есть, мы можем что угодно говорить относительно этого «не без греха». И, конечно, такое высказывание, по сути, должно вывести автора из зоны риска.

Метафора: *«Бывший директор РЭУ всегда что-то темнил с тарифами» (вместо: «Бывший директор РЭУ устанавливал несправедливые тарифы»)*. Здесь используется метафора, которую нельзя проверить, очень размытая семантика.

Метафора довольно часто содержит негативную информацию о физическом или юридическом лице. В 2011 году бывший участник рок-группы «Агата Кристи» Вадим Самойлов подал гражданский иск об унижении чести и достоинства к музыкальному критику Артемию Троицкому. Поводом для этого стало его высказывание в январе 2011 года на телеканале РЕН ТВ, там Троицкий рассуждал о протестной рок-музыке. «У нас есть разные рок-музыканты. Есть, скажем, Вадим Самойлов из распавшейся группы «Агата Кристи», который просто такой дрессированный пудель при Суркове». Владислав Сурков – первый замглавы администрации президента РФ, на стихи Суркова Вадим Самойлов записал в 2003 и 2006 годах два музыкальных альбома, которые были изданы ограниченным тиражом и не поступали в продажу. Позже в рамках частного обвинения

Самойлов обратился в мировой суд с требованием осудить Троицкого еще и по уголовной статье за оскорбление. Лингвистическая экспертиза, проведенная в рамках гражданского иска, пришла к выводу, что определение «дрессированный пудель при Суркове» носит критический, а не оскорбительный характер и что само высказывание является оценочным суждением. Суд отклонил иск, а от обвинения в оскорблении Самойлов отказался, отзывав жалобу. На одном из первых заседаний по гражданскому иску адвокат Самойлова сказал «**Интерфаксу**» такую фразу: «Фактически Троицкий назвал моего клиента собакой, а это оскорбительное утверждение». Для нас совершенно очевидно, что внутренняя форма слова совершенно ошибочно становится предметом иска. Потому что метафора дрессированного животного формирует такие типовые смыслы, как ‘вымуштрованный’, ‘покорный’, ‘беспрекословно повинующийся’.

Оригинальная, «нестертая» метафора была использована известным российским публицистом по отношению к такому подразделению МВД РФ, как Следственный комитет: «За три с лишним года зотовского правления Следственный комитет превратился в этакий «Стол заказов», где с одинаковой легкостью можно организовать совершенно пустое дело и прекратить – самое серьезное, в любом уголке страны».

Для описания ситуации в СК автор исполь-

зует метафору СТОЛА ЗАКАЗОВ. В основном значении словосочетание *стол заказов* обозначает место, где покупатель может купить тот или иной набор продуктов по своему желанию (иначе говоря, это отдел в магазине, где покупатели делают предварительные заказы). Контекст использования данной метафоры показывает, что в ней содержится информация о том, что, дав взятку в Следственном комитете, можно открыть или закрыть уголовное дело по своему желанию. Этот вывод из метафоры является обязательным (то есть однозначным), поскольку на него указывают слова *с одинаковой легкостью можно организовать совершенно пустое дело и прекратить – самое серьезное, в любом уголке страны*. Временная конструкция *За три с лишним года зотовского правления* устанавливает причинную связь между началом работы в СК Зотова и тем, что там стали брать взятки. Данная информация негативно характеризует Зотова, потому что начало и прекращение уголовных дел за взятки осуждается в обществе по моральным соображениям и нарушает действующее законодательство. Сама фраза, в которой содержится метафорическая оценка СК, является оценочным суждением. Как вы думаете, можно ли эту метафору оспорить, потребовать опровергнуть? Или обосновать?

Интересны в рассматриваемом аспекте (подсудна метафора или нет?) максимы Г. Грайса, известного английского лингвиста и философа.

Для успешности коммуникации и достижения взаимопонимания Грайс выдвинул несколько простых и ясных постулатов, составляющих его основной Принцип Кооперации. Назову один из этих постулатов – максимум Качества:

1) *Не говори того, что ты считаешь ложным.*

2) *Не говори того, для чего у тебя нет достаточных оснований.*

Участникам общения рекомендуется сообщать только истинную информацию и обоснованные оценки, как того требует и закон достаточного основания в логике. Всякие *распространенные* высказывания со значением предположения (мнения), как и оценка (оценочное мнение), не будучи формально истинными или ложными, должны иметь какие-либо основания, не должны быть произвольными, мотивированными только так или иначе возникшей неприязнью к объекту оценки.

Примечательны в этом отношении позиция и практика Европейского Суда по правам человека. Европейский Суд обращает внимание на то, что оценки должны быть основаны хотя бы на каких-то фактических данных и не быть голословными. Так, в деле «Джерусалем против Австрии» Суд отметил:

«Требование доказать соответствие действительности оценочных суждений невозможно выполнить, и оно ограничивает саму свободу мнения, которая является фундамен-

тальной частью права, защищаемого статьей 10 (...). Однако даже тогда, когда высказывание признается оценочным суждением, пропорциональность вмешательства может зависеть от того, существует ли достаточная фактическая основа для оспариваемых высказываний, поскольку даже оценочное суждение без какой-либо фактической основы его поддерживающей, может быть чрезмерным».

Заслуживают внимания и аналогичные выводы Суда по делу между двумя датскими журналистами и Данией. Суд пришел к заключению: «... даже в случае, когда утверждение сводится к оценочному суждению, пропорциональность вмешательства может зависеть от того, существует ли достаточное фактическое основание для опровергаемого утверждения, поскольку даже оценочное суждение, не имеющее под собой никакой фактической основы, может быть чрезмерным». Это из дела «Педерсен и Бадсгард против Дании», 2003. Та статья в «МК», в которой используется метафора СТОЛА ЗАКАЗОВ, изобилует фактами, которые и послужили основанием для метафорической оценки состояния дел.

Но вернемся к анализируемым тактикам.

Иносказание. Пример: «Наш нынешний директор – управленец с опытом, прежде он заведовал хлебозаводом, который при нем довольно быстро обанкротился. После всех этих не-

приятных событий с банкротством, уголовным делом и прочим Ивану Сергеевичу на прежнем месте работы стало то ли неудобно, то ли сквизило где-то. В общем, он, где надо, проявил инициативу, где надо что надо сказал – и оказался у нас. В этой связи хочется вспомнить сказку про то, как лиса, у которой был дом ледяной, хитростью и обманом выгнала зайца из теплой лубяной избы и стала жить с комфортом». Информация о совершении нечестного поступка содержится в иносказательной части этого пассажа, «хитростью и обманом», что освобождает автора от потенциальной, возможной ответственности за клевету или распространение порочащих сведений.

Умолчание. Как известно, умолчание – это стилистический прием, при котором выражение мысли остается незаконченным, ограничивается намеком, начатая речь прерывается в расчете на догадку читателя. Говорящий как бы объявляет, что не будет говорить о вещах, не требующих подробного или дополнительного объяснения. Вся информация по умолчанию берется из контекста: то есть, из знаний о том, что говорилось перед этим, по какому поводу, какая была тема, к чему это относилось.

«Сегодня я с прискорбием констатирую, что коррупция проникла и в ваши ряды. И самое страшное, что этот процесс был долгим и развивался на глазах у каждого. Кто брал взятки? Все знают, кто брал... И в главном управлении

эти дельцы были известны, и люди, простые люди на улице, тоже ведь все знали и понимали. Почему молчали? Это снова вопрос (вместо: Взятки брали Иванов, Петров, Сидоров).

Понятно, где тут умолчание.

Другой пример. «- Русский, тебя спаивают, твою страну населяют инородцы, твое правительство давно служит не тебе, а заморскому дяде, тебя готовят на убой! Что, так и будешь сидеть на диване и пить пиво? Или...»

Здесь союз «или» предполагает какое-то содержание, и мы это содержание, по сути дела, понимаем как побуждение к действию, которое как-то изменит описываемое говорящим положение. Однозначно утверждать, что умолчание предполагает нечто предосудительное, запретное, тоже не можем, догадки могут быть разные (напр.: Или вставай, бей тревогу, обращайся к президенту, во все госорганы, к народу! Главное, не бездействуй!), нужно проводить сощопрос. В любом случае эта валентность после слова «или» не заполнена, это уводит говорящего из зоны риска.

Третья тактика называется **«Разорванная предикация»**. Цель этой тактики – желание автора сгладить (убрать) прямую грамматическую связь между конфликтным признаком и носителем данного конфликтного признака. Как она применяется? Вы знаете, что обычная фраза строится по принципу: субъект (подлежащее) и какие-то его признаки (предикат), до-

пустим: книга хорошая; книга лежит на столе. Субъект и предикат находятся в границах одной фразы. А при *разорванной предикации* связь между субъектом и предикатом разрывается и разносится по другим фразам.

Примеры:

«Сегодня многие строительные компании не могут выполнять свои обязательства перед кредиторами. Компания «СтройИнвест» давно должна стать объектом пристального внимания».

Из контекста этого примера нам ясно, что говорящий имел в виду: компания СтройИнвест не может выполнять своих обязательств перед кредиторами. Однако предикат «не может выполнять свои обязательства» и субъект «компания «СтройИнвест» разведены по двум разным предложениям, которые являются самостоятельными. Прямой грамматической связи между конфликтным признаком и субъектом в тексте нет, и это обстоятельство может служить достаточно действенным средством снижения правового риска.

Второй такой же пример:

«К числу недостатков кадровой политики на предприятии можно отнести наем на менеджерские должности откровенно некавалифицированных работников. Вот и Сергей Бессолицын вышел в дамки неясным образом (вместо: Сергей Бессолицын не был квалифицированным работником)».

Когда припекает, то и журналист, и юрист очень хорошо эту линию защиты используют, утверждают, что здесь нет указания на то, что лицо непосредственно совершило то-то и то-то.

Еще одна тактика – **деавторизация**, иначе ее еще называют «ссылка на непроверяемые источники». Ее тоже как российские, так и казахстанские журналисты используют, я неоднократно встречала такое употребление. Цель – намерение говорящего снять с себя авторскую ответственность за высказывание. Для этого в текст вводятся специальные деавторизаторы, указывающие на нефиксированные, непроверяемые источники информации. Это осложняет процесс доказывания факта распространения негативной информации, потому что такой параметр, как проверяемость информации, является квалификационным для данных правонарушений.

Посмотрим примеры.

«Много раз приходилось слышать жалобы от жильцов на неудовлетворительную работу РЭУ и не прекращающуюся войну с коммунальной службой. Поговаривают даже, что коммунальщики принудили жильцов длительным ремонтом канализации, если они не прекратят писать в разные инстанции»

«Много раз приходилось слышать жалобы от жильцов...» – охватить объем лиц, которые относятся к этому источнику, невозможно, и

поэтому, формально, конечно, такие высказывания остаются непроверяемыми.

Еще пример.

«Да всем давно известно, что вы и вся ваша партия жулики да воры».

Здесь предметом сообщений служит осведомленность неопределенного круга лиц о некоем положении дел. Вместо того, чтобы прямо сказать, «вы и ваша партия – жулики и воры», используется тактика деавторизации. Данная информация тоже не может быть проверена в силу нереальности опроса неопределенного круга лиц.

Можно сказать, что тактика деавторизации сейчас недостаточно действенна. Опытный обвинитель или судья не спасуют перед неопределенностью понятий «много раз приходилось», «всем» и потребует назвать хотя бы два-три случая или имени. Кроме того, с января 2015 года обретает силу закона новая статья Уголовного кодекса РК, «распространение заведомо ложной информации», которая предусматривает очень серьезную уголовную ответственность и за распространение слухов. Но нужно знать, что такая тактика существует и что ее можно применять.

Пятая тактика – автореабилитация. Ее цель – предвосхитить возможные правовые последствия, заранее предъявив защитный аргумент. Оправдательное высказывание обычно вставляется после конфликтного высказывания, находится в постпозиции.

Вот, пожалуйста, примеры.

«В период, когда Петров руководил фондом, дефицит бюджета возрос и стал неконтролируемым. Я прошу сейчас понять меня правильно, я ни в коем случае не пытаюсь ставить под сомнение компетентность господина Петрова, его управленческие качества, я лишь констатирую факты».

Реабилитирующие высказывания в этом примере: «Я прошу сейчас понять меня правильно, я ни в коем случае не пытаюсь ставить под сомнение компетентность...», «я лишь констатирую факты». То есть, говорящий уже упреждает возможные споры, дает свою оценку дает своим высказываниям.

«Все эти годы они нас просто обворовывали. Но это лишь мое мнение, я так считаю» (вместо: Все эти годы они нас просто обворовывали). Это тоже автореабилитирующее, здесь ссылка на его мнение – «Это лишь мое мнение», «Я так считаю...» Эту тактику можно достаточно успешно использовать в своей работе.

О возбуждении вражды и розни

Ст. 174 новой редакции УК РК предполагает уголовную ответственность за возбуждение социальной, национальной, родовой, расовой или религиозной вражды. Как российские, так и казахстанские методики экспертных исследований по делам о признании информационных

материалов экстремистскими понимают под возбуждающей информацией такую, которая содержит отрицательную эмоциональную оценку и формирует негативную установку в отношении определенной социальной, этнической, родовой, расовой, конфессиональной группы или отдельных лиц как членов этой группы, подстрекает к ограничению их прав или к насильственным действиям против них.

В этом определении квалифицирующими выступают такие признаки: *содержит отрицательную эмоциональную оценку, формирует негативную установку, подстрекает*. Эти признаки указывают на то, что возбуждение вражды обязательно имеет убеждающий характер.

На обыденном примере рассмотрим, как реализуется этот процесс речевого убеждения. На собрании жильцов многоквартирного дома выступает председатель КСК: «Подъездные козырьки протекают, во время дождей вода затекает на домофонную проводку, будет замыкание, как следствие возможен пожар. Вентили в элеваторе ветхие, сорвет в любой момент, зальет подвал, а это плесень, сырость, крысы. Их надо менять, Крыша протекает, заливает квартиры, опять же появится сырость в каждой квартире. Нужно чинить. В целом нужно повышать тариф на содержание дома».

Вначале **внимание** слушающих привлекается той частью выступления, где формулиру-

ется тема, описывается сложившаяся проблема. Чтобы сформировать у слушателей **интерес** к теме, автор увязывает обсуждаемую проблему с каждым жильцом и домом, то есть доказывает, что сложившаяся ситуация может напрямую задеть каждого жильца, повлиять на условия его жизни и жизнь членов его семьи. Когда слушатель заинтересован в решении проблемы, говорящий предлагает путь решения этой проблемы, утверждает и (или) обосновывает необходимость действий. Таким образом, у адресата речи формируется **желание действовать**.

Если перевести эту схему речевого убеждения на язык терминов, которыми описываются криминальные проявления вербального экстремизма, то стадия привлечения внимания будет соответствовать *констатации фактов (информированию)*, когда текст еще не приобретает того отрицательного эмоционального заряда, каким он наделяется по ходу развития. Стадия формирования интереса соответствует *возбуждению ненависти*, когда в тексте уже вырисовывается негативный образ объекта, а у читателя формируется в отношении него личная негативная установка. Возникновение желания можно соотнести с косвенным призывом, выраженным в обосновании и/или утверждении необходимости действий, когда перед читателем рисуется ясная программа действий.

Понятия ненависти и вражды тесно взаи-

мосвязаны, однако между ними есть серьезное различие. Ненависть – это психологическое состояние, это чувство сильнейшей неприязни (говорят: *Я ненавижу тебя; Он ненавидел его всю жизнь*). Вражда обычно толкуется как объективированная форма ненависти, деятельность или готовность к деятельности. Можно сказать, что ненависть представляет собой начальную стадию вражды, в то время как вражда – ненависть, проявленная физически (Высказывание: *Соседи враждовали* предполагает наличие действий с обеих сторон). Трагедия Шекспира «Ромео и Джульетта» рассказывает нам, чем завершилась вражда, разделившая роды Монтекки и Капулетти; рассказывает о ненависти, доставшейся им в качестве родового наследия.

Экспертные методики выделяют три стадии вербализации мысли в экстремистских материалах: **стадия информирования** о предмете речи → **стадия негативной оценки предмета речи (= стадия возбуждения ненависти)** → **стадия планирования действий (= стадия возбуждения вражды)**

Таким образом, явление возбуждения ненависти и вражды, если брать его без стадии информирования, делится на две стадии, или фазы. Возбуждение ненависти как стадии коммуникации заключается в нагнетании недовольства объектом, неприязни, перечислении отрицательных качеств объекта – **то есть воз-**

буждение ненависти заключается в создании негативного образа объекта (самой социальной группы), в результате чего в сознании адресата по отношению к этому объекту формируется негативная установка.

Возбуждение вражды, по сравнению с возбуждением ненависти, дополняется приписыванием объекту прямой опасности для адресата речи, что побуждает к действиям, поступкам против вредоносного объекта. Иначе говоря, событие речевого возбуждения вражды (в отличие от возбуждения ненависти) содержит в себе побуждающий, призывный элемент.

При переходе от стадии к стадии сгущается степень призывности текста. Так, на стадии информирования адресат спокоен, только вникает в ситуацию, не относит эту информацию к себе лично и не видит в ней существенной для себя опасности. Просто принимает факты. Стадия возбуждения ненависти уже заряжает адресата негативным настроением. Она в чем заключается? В создании негативного образа объекта. И в результате этого в сознании адресата по отношению к этому объекту формируется негативная установка.

Но что адресату нужно, чтобы ненависть переросла во вражду и проявилась в каких-то действиях? Нужно обоснование, оправдание насильственных действий в отношении какой-либо социальной группы. Без этого не бу-

дет работать вторая стадия – побуждение к противоправным действиям против объекта.

На стадии возбуждения вражды адресат осознает необходимость действовать. Чтобы говорить о том, что при помощи определенных высказываний возбуждается вражда, необходимо, чтобы в них языковыми средствами создавался образ врага.

Есть ли какая-либо метка, которая позволяет обозначить границу между возбуждением ненависти и возбуждением вражды?

Возбуждение вражды отличается от *возбуждения ненависти* наличием призывного компонента. Говорить о возбуждении ненависти можно лишь до тех пор, пока текст по своему эмоциональному накалу не преодолел провокационного барьера – предела, за которым начинается ярко выраженное подстрекательство к действиям в форме косвенного призыва.

Для обоснования наличия в высказывании признака возбуждения (разжигания) ненависти, вражды необходимо доказать, что анализируемый фрагмент является таким высказыванием, задачей которого является обоснование враждебного отношения к указанной в законе группе. Для этого нужно, чтобы:

- говорящий выразил мнение о наличии у представителей какой-либо группы негативных моральных качеств, отрицательных свойств,

пороков, постоянно проявляемых в их поведении, конкретных действиях;

- говорящий обосновал свое мнение такими суждениями (фактами, фактоидами, то есть мнениями, «замаскированными» под факт), которые подтверждают справедливость, правильность проявления неприязненного, нетерпимого отношения ко всем представителям этой группы.

Целевой установкой такого высказывания является пропаганда необходимости враждебного отношения к выделяемой группе.

Поэтому защита от обвинений в **возбуждении вражды, выраженном в обосновании специальных действий, безусловно, возможен, когда:**

- высказывание не содержит обоснования (аргументации);

- высказывание не содержит *образа действий*, осуществляемых одним или несколькими из перечисленных *способов*: геноцид, массовые репрессии, депортация, применение насилия, совершение противоправных действий;

- высказывание не содержит *образа действий*, осуществляемых *в отношении* одного или нескольких из перечисленных типов объекта: представитель какой-либо нации, представитель какой-либо расы, представитель какой-либо группы, рода, приверженец той или иной религии.

В Казахстане первым осужденным по обвинению в возбуждении социальной вражды

была юрист профсоюза нефтяников компании «Каражанбасмунайгаз» Наталья Соколова, приговоренная в 2011 году к шести годам лишения свободы; в марте 2012 г. эта мера наказания была изменена на три года условного наказания с лишением права заниматься общественной работой в течение трех лет. Казахское Международное бюро по правам человека и соблюдению законности обратилось в фонд «Әділ сөз» с запросом о проведении лингвистического исследования высказываний Соколовой, а также об оценке официальных экспертиз, и такое исследование мы провели. На исследование были представлены 26 высказываний Н. Соколовой из ее выступлений на профсоюзных собраниях нефтяников 17 и 21 мая 2011 года. Лингвистический анализ этих высказываний показал, что их смысловая направленность заключается в следующем: они направлены на информирование работников «Каражанбасмунай» о ситуации в сфере оплаты их труда, об обстоятельствах трудового спора, побуждение их к определенным действиям, которые могли бы, по ее мнению, способствовать решению этой экономической проблемы, улучшить их материальное положение. В целом во всех высказываниях Н. Соколовой отсутствуют лингвистические показатели возбуждения социальной вражды, а именно: в них не формируется образ врага, в них не выявлена коммуникативная установка

на возбуждение ненависти и вражды к какой-либо социальной группе (в частности, к власти, к работодателям).

Резонансным было дело по журналу «Аңыз Адам» (№8 (92), 2014). Почти во всех казахстанских и российских СМИ, которые давали информацию об этом номере, он подается как журнал о Гитлере. Но это не так. Анализируемый номер журнала является тематическим номером, который посвящен одной актуальной научно-исторической и политической проблеме. Содержание номера определяется историческими событиями и явлениями – Второй мировой войной и ролью Адольфа Гитлера в ней, а также событиями в Украине, приведшими к крымскому кризису. Эти две неразрывно связанные тематические линии находят свое последовательное раскрытие в содержании разнообразных материалов журнала.

Оскорбление как уголовный проступок

Оскорбление, согласно Уголовному кодексу Республики Казахстан, – это унижение чести и достоинства лица, выраженное в неприличной форме. Чем статья об оскорблении отличается от статьи 143 Гражданского кодекса, где речь идет о распространении порочащих сведений? Именно неприличной формой выражения негативной информации о лице.

К сожалению, законодатель никаких определений этому термину не дает. Отсутствует согласованность и в пояснениях, излагаемых в нескольких Комментариях к УК РК.

Так, в Комментарий к Уголовному Кодексу Республики Казахстан (Особенная часть), изданному в 2000 г. под редакцией И.И. Рогова и Г.И. Баймурзина, указывается следующее: «Оскорбление признается уголовно наказуемым, если унижение чести и достоинства было выражено в неприличной форме: в нецензурных словах, жестах, непристойных, циничных действиях, мимике». Тем самым к неприличной форме относят выражения, которые содержат в себе непристойности, нецензурные (обscene) языковые средства.

В Комментарий к Уголовному Кодексу Республики Казахстан, изданному под редакцией И.Ш. Борчашвили в 2007 г., это соотнесение неприличной формы с нецензурной лексикой уже отсутствует. Комментатор проблему установления неприличной формы оскорбительного высказывания предписывает решать следующим образом: «При решении вопроса о том, выражена ли отрицательная оценка в неприличной форме, суд должен исходить из норм нравственности нашего общества».

Как известно, нравственные нормы общения людей изучает этика, то есть область философии. Объектом изучения этики является мораль как совокупность нравственных норм. Как

вид социальных норм нравственные нормы требуют от человека соблюдения известного поведения, именуемого нравственным, и требуют воздержания от поведения, называемого безнравственным. Однако если комментатор говорит об обязанности нести юридическую ответственность за нарушение этических норм, эта ответственность должна возлагаться на члена современного цивилизованного общества не только нравственностью, но и правом. Иначе говоря, указанное предписание комментатора не может быть исполнено, поскольку при таком подходе невозможно установить правовые критерии отрицательной оценки лица как оценки оскорбительной.

Проблемы, которые возникают на практике с квалификацией высказываний по статье «Оскорбление», связаны с неразличением бытового и юридического понимания оскорбления, с неразличением обиды и оскорбления. Например, один аксакал, возмущаясь, говорит: «Меня оскорбило то, что мне слово не дали». Оскорбление в обыденном понимании гораздо шире, чем в юридическом. Для юридической квалификации высказывания как оскорбительного необходимым признаком является неприличная форма, а в обыденном понимании к оскорблению относят любые слова с негативной семантикой. Фраза «Сударь, Вы – подлец» – пример классического оскорбления, однако неприличная форма здесь отсутствует, поэтому

в юридическом смысле квалифицировать это как оскорбление невозможно. Чтобы за использование неприличных выражений юридически осудить человека, вменив ему оскорбление того или иного лица, необходимо, чтобы был удовлетворен ряд условий. Правовое вмешательство возможно только в тех случаях, когда:

- выражение прямо адресовано конкретному лицу;

- выражение имеет неприличную форму;

- при этом имеет место прямой умысел на оскорбление;

- инвективная лексика характеризует не отдельные поступки или слова данного человека, а в целом его как личность, т.е. дается обобщенная оценка его личности;

- выражение употреблено публично.

Противоречивой практике по делам об оскорблении способствуют эксперты (или специалисты) с недостаточной компетенцией, которые отождествляют любую инвективу (то есть высказывание, содержащее резко негативную характеристику лица), с высказыванием, имеющим неприличную форму. Все слова, входящие в класс инвектив, квалифицируются такими экспертами как имеющие неприличную форму. То есть любое негативное суждение в адрес конкретного лица и оскорбление, имеющее неприличную форму, по сути, отождествляются. А инвективы – это очень большой класс слов, как входящих в литературный язык,

так и находящихся за его пределами. Приведем примеры «литературных» инвектив: *бандит, проститутка; изменник, предатель; коновал, мясник; кобель, кобыла; дурак, гадина* и др.

Приведем несколько примеров, когда оскорбление в неприличной форме было подменено обыденным пониманием оскорбления. В 2009 году один из районных судов г. Алматы признал оскорбительным слово «*придурки*» в газетной статье в отношении группы лиц (которые к тому же в высказываниях обвиняемого не идентифицировались с лицами, подавшими жалобу; кроме того, говорящий использовал это слово в телефонном разговоре с журналистом, предупредив: Вы это напечатаете, а я подам на вас в суд. То есть у говорящего не было коммуникативного намерения донести свою оценку до определенных лиц (юристы бы сказали: не было умысла на оскорбление). Но журналист напечатал). Слово *придурок* относится к разговорно-сниженной лексике, из чего следует, что с лингвистической точки зрения данное слово неприличной формы не имеет.

В начале 2000-х годов эксперт, а затем и суд признали оскорбительным употребление виновным слова «*халявщик*» в отношении его непосредственного начальника. Слово «*халявщик*», относясь к жаргонной лексике, не является нормативным, однако неприличной формы не имеет.

В 2014 году райсуд г. Алматы признал оскорблением употребление слова «подлецы» в высказывании: «Знайτε подлецов в лицо и по фамилиям». Слово *подлец* в современном русском языке относится к литературной лексике. Проведенное российскими учеными специальное исследование отношения носителей русского языка к оскорбительности показало, что слова «негодяй, мерзавец, подлец» воспринимаются большинством носителей современного русского языка хотя и как обидные, но не оскорбительные. По этим показателям они значительно уступают синонимичным словам «гнида», «мразь», «сволочь», которые воспринимаются как очень оскорбительные.

В другом случае в районном суде г. Алматы в качестве эксперта-лингвиста выступил судья, признав оскорблением просторечный фразеологизм «старая кошелка», употребленный виновным после судебного заседания в коридоре суда по отношению к представителю другой стороны. Этот и подобные ему фразеологизмы (ср.: *старая калоша* – о пожилой женщине; *старый колпак* – о ретрограде, *старый (трухлявый) пень* – о старом, дряхлом человеке, *старая карга* – о злой безобразной старухе (*карга* – от тюркского *карга* – ворона); *старая вешалка*, *старая перечница* – о злой, сварливой женщине) объединены семьей «пожилой, преклонный возраст». Дополнительная эмоционально-оценочная окраска этого выражения созда-

ется за счет ассоциативно-образного, метафорического переосмысления значения словосочетания *старая кошелка* (кошелка – плетеная сумка, корзина), в результате которого фразеологизм приобретает оттенок презрения, пренебрежения (т.е. старая вещь). **С морально-этической точки зрения можно говорить о неуместности использования этого фразеологизма в публичном месте**, но в любых ситуациях использования это выражение не относится к ненормативной фразеологии и не имеет неприличную форму.

В настоящее время в российской лингвистической экспертологии большое распространение получила концепция, которая отождествляет неприличное с обценным и непристойным. В современной русской и казахской лингвокультуре непристойными и потому табуированными являются образы телесного низа, экскрементов, полового акта и акта дефекации. Таким образом, к неприличной форме относят табуированные выражения, которые содержат непристойные смыслы (например, выражение «подстилка уличная» имеет в своем значении непристойный смысл, поэтому является неприличным).

Табуированная семантика может содержаться в высказывании, полностью соответствующем нормам литературного языка. В качестве подобных примеров М.А. Осадчий приводит следующие высказывания, извле-

ченные из материалов расследований и доследственных проверок: *«Подозреваю, что дорога во власть депутата Ивановой проложена ее половыми органами»; Образно выражаясь, ситуацию на предприятии можно описать так: прежний директор перед уходом не только снял штаны и продемонстрировал своим рабочим свое упитанное место, но и наделал большую кучу, разбираться с которой пришлось уже новому директору в течение последних трех лет»; «Возмущает нескрываемое властолюбие этих святош, которые, наверное, причащаются сухим калом и окропляются уриной власть имущих». Данные высказывания, с точки зрения их лексического состава, соответствуют нормам русского литературного языка. Однако наличие генитальных, экскрементальных образов на уровне семантики позволяет сделать вывод о неприличности приведенных высказываний».*

Таким образом, выход из противоречивой практики по делам об оскорблении мы видим в конвенциональном решении проблемы неприличной формы и предлагаем принять тот подход к квалификации формы выражения содержания как неприличной, при котором к неприличной форме относят нецензурные (обсценные) слова и выражения, а также табуированные выражения, содержащие непристойные смыслы.

Тот факт, что в юридическом смысле оскорблением признается лишь адресное использование нецензурной лексики, не означает, что тем самым открывается дорога к использованию всей ненормативной лексики. И языковое сознание общества, и общественное мнение рассматривает сниженную и бранную лексику как подлежащую исключению из публичного употребления. С морально-этической точки зрения их употребление в публичной сфере обычно признается неуместным, некультурным, и при этом негативно характеризующим прежде всего говорящего, уровень его речевой и общей культуры.

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО КАЗАХСТАНА ПРОТИВ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЙ СВОБОДОЙ СЛОВА

С. Г. Уткин,
юрист

Как вы знаете, нормативные акты имеют свою иерархию. Выше всего Конституция, за ней по нисходящей последовательно идут кодексы, законы, указы президента, постановления правительства, акиматовские, министерские акты.

Начнем с Конституции. 20 статья посвящена свободе слова. В первом пункте определено: «Свобода слова и творчества гарантируется. Цензура запрещается». Пункты 2 и 3 – это, по сути, разъяснение, что такое «свобода слова» и ограничения этой свободы. Таким образом, согласно нашей Конституции, в полном соответствии, кстати, со статьей 19 Международного пакта о гражданских и политических правах,

право на свободу слова – не абсолютное. Под полный запрет попадают разглашение государственных секретов, а также пропаганда или агитация насильственного изменения конституционного строя, нарушения целостности Республики, подрыва безопасности государства, войны, социального, расового, национального, религиозного, сословного и родового превосходства, а также культа жестокости и насилия. Статья 39 Конституции перечисляет, во имя чего ограничиваются основные права и свободы человека, в том числе, право на свободу слова, и условия этих ограничений: «Права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены только законами и лишь в той мере, в какой это необходимо в целях защиты конституционного строя, охраны общественного порядка, прав и свобод человека, здоровья и нравственности населения».

Эти основополагающие принципы реализуются, по крайней мере, должны реализоваться в законодательных актах следующего уровня. Давайте по ним пройдемся. Вторую ступеньку в законодательной иерархии, как мы уже говорили, занимают кодексы.

Гражданский кодекс РК. Я обращаю внимание на *статью 188*. Вроде бы она не относится к свободе слова, она посвящена праву собственности, но в 4 пункте этой статьи есть правило, которое относится к разным аспектам

жизни, в том числе и к свободе слова. Звучит он так: «Осуществление собственником своих правомочий не должно нарушать прав и охраняемых законом интересов других лиц и государства. Нарушение прав и законных интересов может найти выражение, наряду с иными формами, в злоупотреблении собственником своим монопольным или иным доминирующим положением. Собственник обязан принимать меры, предотвращающие ущерб здоровью граждан и окружающей среде, который может быть нанесен при осуществлении его прав».

Это правило должно сидеть у вас в голове. Да, есть свобода слова, да, вы – журналист, да, вы – передовая часть нашего общества. Вы пытаетесь получить информацию, вы пытаетесь распространить информацию, что-то донести до людей, но при этом вы не должны ущемлять и нарушать права других лиц. Как этого добиться?

Например, вы получили какую-то информацию у чиновника, записали на диктофон. И понимаете: «Боже мой, это же сенсация, то, что он сейчас сказал». Он, может быть, и сам не понял, что он сказал. Естественно, он же тоже живой человек, может час с вами разговаривать, забыть, что вообще диктофон включен, какие-то откровенные вещи пошли. Можно публиковать этот текст или нет? Что важнее, человеческие отношения или сенсация? Подумайте, к журналисту, который даст такое в эфир, потом этот чиновник придет еще на откровенный разговор ?

Нет. А другие? Тоже. Или полученная информация такова, что перекрывает все имиджевые потери? В этом и дилемма.

Статья 141 ГК РК – защита личных неимущественных прав. Важный момент здесь – пункт 3: «Личные неимущественные права подлежат защите независимо от вины лица, нарушившего право...». Что такое вина? Это внутреннее отношение к содеянному. Вы как журналист случайно чьи-то неимущественные права нарушили – честь, достоинство, доброе имя, деловую репутацию. Абсолютно не хотели опорочить этого человека, нечаянно так получилось, не продумали какую-то фразу. Ваша вина есть или нет? Нет. Вы не хотели. Неосторожность есть, но умысла нет. Однако согласно статье 141, независимо от того, хотели вы унижить честь и достоинство или так случайно получилось, вы будете нести ответственность.

Каким способом пойдет защита? Помимо морального, материального вреда, который надо деньгами выплачивать, первое – это опровержение. И второе – это право на ответ. К вам обращается кто-то с требованием опровержения, надо очень грамотно говорить – «Ну какое опровержение? Давайте мы с вами поговорим. У вас есть другая позиция? Пожалуйста, мы вам дадим слово, место, чтобы вы высказали свою позицию». Это тоже предусмотрено Гражданским кодексом. Хоть малейшим образом ущемили – должны давать право на ответ.

А уж если совсем уж сильно, то опровержение надо давать.

Статья 144. Право на охрану тайны личной жизни.

«1. Гражданин имеет право на охрану тайны личной жизни, в том числе тайны переписки, телефонных переговоров, дневников, записок, записок, интимной жизни, усыновления, рождения, врачебной, адвокатской тайны, тайны банковских вкладов.

Раскрытие тайны личной жизни возможно лишь в случаях, установленных законодательными актами.

2. Опубликование дневников, записок, заметок и других документов допускается лишь с согласия их автора, а писем – с согласия их автора и адресата. В случае смерти кого-либо из них указанные документы могут публиковаться с согласия пережившего супруга и детей умершего».

У публичных людей есть вот это право на охрану тайны личной жизни? Да, есть. На Западе чем выше ты попал в структуру власти, тем у тебя меньше защита тайны личной жизни. У нас в законодательстве об этом вообще ни слова. То есть, все абсолютно одинаковы. А чиновники, как известно, часто под себя законы пишут, и эту норму они любят на себе применять. Поэтому надо аккуратно относиться.

- Был случай, когда мы брали информацию из открытых социальных сетей, с его страни-

цы. Может ли эта информация относиться к охраняемой этой статьей? Фотография, например.

- Фотография по другой статье пойдет – *статья 145*, право на изображение. Нет, наверное, если человек ее сам выставил открыто. Или не сам, но она есть в другом источнике, кто-то из его друзей выставил, в открытом виде, на открытом аккаунте.

- *Согласие надо брать, чтобы публиковать фото?*

- В статье 145 Гражданского кодекса, «право на изображение», написано, что никто не имеет права использовать изображение лица без его согласия. Согласно этой статье – да, надо брать разрешение. На практике, конечно же, этого нет, ведь невозможно брать согласие у каждого, кто попадает в кадр, например, в общественном месте, на каком-то праздновании. Сто лет назад появилась эта норма, в Америке, когда девушка на рекламном проспекте увидела свое изображение. Это булочная свои изделия рекламировала через ее фотографию. Девушка возмутилась, сказала: «Как это так? Вы на моем личике зарабатываете деньги», обратилась в суд, появился прецедент, и с этого прецедента пошли такие нормы в разные законы в разных странах. Жизнь показывает, что эту норму давно пора менять.

Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях, *статья 453*, «Изготовление, хранение, ввоз, перевозка, рас-

пространение на территории Республики Казахстан продукции средств массовой информации, а равно иной продукции». Цитирую:

1. Изготовление, хранение, ввоз, перевозка на территории Республики Казахстан продукции средств массовой информации, содержащей сведения и материалы, направленные на пропаганду или агитацию насильственного изменения конституционного строя, нарушения целостности Республики Казахстан, подрыва безопасности государства, войны, разжигания социальной, расовой, национальной, религиозной, сословной и родовой розни, культа жестокости, насилия и порнографии, -

влекут штраф на физических лиц в размере двадцати, на должностных лиц – в размере двадцати пяти, на субъектов малого предпринимательства или некоммерческие организации – в размере пятидесяти, на субъектов среднего предпринимательства – в размере ста, на субъектов крупного предпринимательства – в размере двухсот месячных расчетных показателей, с конфискацией продукции средств массовой информации.

2. Распространение на территории Республики Казахстан продукции средств массовой информации, содержащей сведения и материалы, направленные на пропаганду или агитацию насильственного изменения конституционного строя, нарушения целостности Республики Казахстан, подрыва безопасности государства, во-

йны, разжигания социальной, расовой, национальной, религиозной, сословной и родовой розни, пропаганду и оправдание экстремизма или терроризма, а также раскрывающие технические приемы и тактику антитеррористических операций в период их проведения, если эти действия не содержат признаков уголовно наказуемого деяния, -

влечет штраф на физических лиц в размере двадцати, на должностных лиц – в размере двадцати пяти, на субъектов малого предпринимательства или некоммерческие организации – в размере пятидесяти, на субъектов среднего предпринимательства – в размере ста, на субъектов крупного предпринимательства – в размере двухсот месячных расчетных показателей, с конфискацией продукции средств массовой информации.

3. Действия, предусмотренные частями первой и второй настоящей статьи, совершенные повторно в течение года после наложения административного взыскания, -

влекут штраф на физических лиц в размере ста, на должностных лиц – в размере ста пятидесяти, на субъектов малого предпринимательства или некоммерческие организации – в размере двухсот, на субъектов среднего предпринимательства – в размере трехсот, на субъектов крупного предпринимательства – в размере тысячи пятисот месячных расчетных показателей, с конфискацией продукции средств массо-

вой информации с лишением лицензии на деятельность по организации телевизионных программ и (или) радиовещания и запрещением деятельности юридического лица.

Что касается пропаганды изменения конституционного строя, здесь ключевое слово – «насильственное». Когда я работал в «Республике», приносили прокуроры свои предписания, иски подавали, и у них часто слово «насильственное» пропадало. Они пишут: журналисты призывают к свержению власти, к захвату власти – просто страшно! Журналист сидит и спрашивает: «Это я, что ли, к свержению власти призывал?». А они говорят – да, призывал. Журналист бледнеет. Я говорю – да, ты призываешь к захвату власти, но ты же не к насильственному захвату власти призываешь, ты говоришь – пусть бы вот эта партия победила на выборах, условно говоря. Вот призыв к захвату власти. То есть все, что ненасильственно, все можно – захватывать, призывать, свергать.

Статья 490 – «Нарушение законодательства Республики Казахстан о религиозной деятельности и религиозных объединениях», пункт 2 – «Воспрепятствование законной религиозной деятельности, а равно нарушение гражданских прав физических лиц по мотивам отношения к религии или оскорбление их религиозных чувств либо осквернение почитаемых последователями той или иной религии предметов, строений и мест, если все вышеизложен-

ные действия не содержат признаков уголовно наказуемого деяния, —

влекут штраф на физических лиц в размере пятидесяти, на должностных лиц — в размере ста, на юридических лиц — в размере двухсот месячных расчетных показателей».

Оскорбление религиозных чувств — что это такое? В законе разъяснений этому не дается. Очень много таких норм в законодательстве, по которым никто вам четко и не скажет — вот это есть оскорбление, вот это не оскорбление. Тут, как правило, нужна экспертиза. В любом случае, вы должны знать, что это есть в нашем законодательстве тоже.

Ряд статей КоАП регламентируют деятельность СМИ и журналистов в предвыборный период. Вот *статья 112*. «Нарушение условий проведения предвыборной агитации через средства массовой информации», остановимся на первых двух пунктах:

«1. Необъективное освещение средствами массовой информации выборной кампании кандидатов, политических партий, выразившееся в искажении целей, задач и результатов предвыборных мероприятий, а также событий и фактов, связанных с ними, -

влечет штраф на физических лиц в размере двадцати, на должностных лиц — в размере тридцати, на юридических лиц — в размере пятидесяти месячных расчетных показателей.

2. Публикация средствами массовой инфор-

мации агитационных материалов и иной информации, заведомо порочащих честь, достоинство и деловую репутацию кандидата или политической партии, а также отказ в предоставлении указанным лицам возможности бесплатного опубликования опровержения в защиту чести, достоинства и деловой репутации -

влекут штраф на физических лиц в размере двадцати, на должностных лиц – в размере тридцати, на юридических лиц – в размере пятидесяти месячных расчетных показателей».

Солидные штрафы предусмотрены за распространение заведомо ложных сведений о кандидатах, политических партиях или совершение иных действий, порочащих их честь, достоинство и деловую репутацию, в целях влияния на исход выборов, еще и в статье 102 того же кодекса.

Понятно, что заведомо ложные сведения, которые порочат честь и достоинство, вообще ни о ком нельзя распространять, за это уголовное законодательство предусматривает очень серьезную ответственность, вплоть до лишения свободы.

Что же касается объективности-необъективности, то, к примеру, в ст. 20-2 Конституционного закона «О выборах в Республике Казахстан» в седьмом пункте написано: «7. Наблюдатели иностранных государств и международных организаций, представители иностранных средств массовой информации обязаны:

5) сохранять непредвзятость, не выражать предпочтение конкретному кандидату, политической партии».

Не только иностранным СМИ, но и нашим тоже надо в голове это держать. У вас есть, конечно, право на собственное мнение, но касательно выборов лучше давать объективную информацию – и ту, и другую сторону. Держите это в голове, чтобы не преступить закон. Вообще – обязан ли журналист быть объективным? В законодательстве такой обязанности нет. То есть, в принципе закон вас за необъективность наказать не может. А почему? Потому что вас, журналистов и СМИ, много, и вы все разные, у одного СМИ такая позиция, у другого – другая, может быть, противоположная. И это нормально. Объективным, например, должен быть судья, ему это в обязанность вменено, прокурору вменено, следователем вменено прямо законом. А журналисты решений не выносят, вы просто свое мнение высказываете.

Самая большая ответственность за злоупотребления свободой слова заложена в **Уголовном кодексе**.

В новом УК усилена ответственность за клевету, теперь это *статья 130*:

«1. Клевета, то есть распространение заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство другого лица или подрывающих его репутацию, – наказывается штрафом в разме-

ре до одной тысячи месячных расчетных показателей либо исправительными работами в том же размере, либо ограничением свободы на срок до одного года, либо лишением свободы на тот же срок.

2. То же деяние, совершенное публично или с использованием средств массовой информации или информационно-коммуникационных сетей, –

наказывается штрафом в размере до двух тысяч месячных расчетных показателей либо исправительными работами в том же размере, либо ограничением свободы на срок до двух лет, либо лишением свободы на тот же срок.

3. Деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, соединенные с обвинением лица в совершении коррупционного, тяжкого или особо тяжкого преступления, а равно повлекшие тяжкие последствия, –

наказываются штрафом в размере до трех тысяч месячных расчетных показателей либо исправительными работами в том же размере, либо ограничением свободы на срок до трех лет, либо лишением свободы на тот же срок.»

Как видим, за прегрешения, квалифицированные по первой части статьи, введено наказание в виде лишения свободы, прежде такого не было. Тем не менее, повода для паники нет. Давайте разберемся, что же такое клевета. Здесь ключевое слово «заведомо». Зачастую у нас даже следователи не разбираются в этом.

Мне приходилось много раз спрашивать – как вы доказываете эту заведомость? Следователь обычно отвечает – ну как, распространено же, видишь же – написано. Я говорю: «Написано – это значит, что он хотел написать, но ты же должен понять, действительно ли он хотел заведомо ложную информацию распространить? Он действительно хотел специально гадость сделать, с целью какой-то? Следователь говорит: «Ну как же я это определяю». А вот это обязанность следователя, он должен это установить. Если он не смог установить, значит, он не должен привлекать к ответственности по этой статье.

Статья 147. Нарушение неприкосновенности частной жизни и законодательства Республики Казахстан о персональных данных и их защите.

«1. Незаконное собирание сведений о частной жизни лица, составляющих его личную или семейную тайну, без его согласия либо причинение существенного вреда правам и законным интересам лица в результате незаконных сбора и (или) обработки иных персональных данных –

наказывается штрафом в размере до двух тысяч месячных расчетных показателей либо исправительными работами в том же размере, либо ограничением свободы на срок до двух лет, либо лишением свободы на тот же срок.

2. Несоблюдение мер по защите персональ-

ных данных лицом, на которое возложена обязанность принятия таких мер, если это деяние причинило существенный вред правам и законным интересам лиц, –

наказывается штрафом в размере до трех тысяч месячных расчетных показателей либо исправительными работами в том же размере, либо ограничением свободы на срок до трех лет, либо лишением свободы на тот же срок, с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового.

3. Деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, совершенные лицом с использованием своего служебного положения или специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации, либо путем незаконного доступа к электронным информационным ресурсам, информационной системе или незаконного перехвата информации, передаваемой по информационно-коммуникационной сети, либо в целях извлечения выгод и преимуществ для себя или для других лиц или организаций, а равно распространение сведений, указанных в части первой настоящей статьи, в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении, в средствах массовой информации или с использованием информационно-коммуникационных сетей, –

наказываются лишением свободы на срок

до пяти лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок от двух до пяти лет или без такового».

Вот скажите, правоохранительные структуры имеют право просто так ходить за человеком, следить? Нет. Только в рамках закона об оперативно-розыскной деятельности, по санкции прокурора не ниже областного. Это очень-очень серьезное мероприятие, чтобы скрытно на видео снимать, скрытно прослушивать. Это категорически им запрещено без санкции прокурора. А обычному человеку, журналисту, можно это делать или нет? Вообще-то запрета нет, если это открыто. То есть, открыто человек по улице ходит, а вы его открыто снимаете. Открыто человек едет по городу, а вы опять открыто его снимаете. Открыто наряд полиции едет, вы его открыто снимаете.

Я иногда советую журналистам поехать так за каким-либо нарядом полиции. Как он несет службу? Он ездит на авто, находит водителей-нарушителей, останавливается, привлекает их к ответственности и протокол составляет. За весь свой наряд сколько он протоколов составляет и сколько он останавливает автомобилей? Последите хотя бы два часа, за это время они остановили, допустим, 20 автомобилей. Сколько протоколов будет? Два! Примерно в 10 процентах случаев они составляют протокол, а в остальных что, разъяснительные беседы?

Можно за этим следить? Ну наверное можно, ничего страшного. За чиновником бы поехали. Вышел он из суда, а вы смотрите, на какую машину он сядет – что за марка, какой номер, кому принадлежит? Дальше. В какой он особняк приехал, где он живет? Вот это узнали, абсолютно открыто за ним ездите. Запрещено или нет? Наверное, нет. А вот если вы залезете потом на дерево и будете на территории этого особняка снимать, чем он там занимается – это уже тайна частной жизни, это запрещено.

«Статья 179. Пропаганда или публичные призывы к захвату или удержанию власти, а равно захват или удержание власти либо насильственное изменение конституционного строя Республики Казахстан.

1. Пропаганда или публичные призывы к насильственному захвату власти или насильственному удержанию власти в нарушение Конституции Республики Казахстан, подрыву безопасности государства либо насильственному изменению конституционного строя Республики Казахстан, а равно изготовление, хранение с целью распространения или распространение материалов такого содержания –

наказываются штрафом в размере от одной тысячи до пяти тысяч месячных расчетных показателей либо ограничением свободы на срок до семи лет, либо лишением свободы на тот же срок.

2. Те же действия, совершенные лицом с ис-

пользованием своего служебного положения либо лидером общественного объединения, либо с использованием средств массовой информации или информационно-коммуникационных сетей, либо группой лиц или группой лиц по предварительному сговору, –

наказываются лишением свободы на срок от пяти до десяти лет.

3. Действия, направленные на насильственный захват власти или насильственное удержание власти в нарушение Конституции Республики Казахстан либо насильственное изменение конституционного строя Республики Казахстан, –

наказываются лишением свободы на срок от десяти до пятнадцати лет.

4. Осуществление представителями иностранного государства, международной или иностранной организации полномочий, находящихся в компетенции уполномоченных органов и должностных лиц Республики Казахстан, –

наказывается штрафом в размере от трех до семи тысяч месячных расчетных показателей либо исправительными работами в том же размере, либо ограничением свободы на срок до семи лет, либо лишением свободы на тот же срок».

Речь в этой статье идет о насильственном захвате власти. Обращайте внимание на это слово, наказывается только пропаганда на-

сильственного захвата. То же самое относится и к удержанию власти. Призыв к насильственному удержанию власти – это что такое? Если вдруг какое-нибудь СМИ скажет, что надо всех оппозиционеров подавить, утопить в крови, чтобы они не думали даже к власти приближаться, – это и есть призывы к насильственному удержанию власти.

Сепаратистская деятельность – *статья 180* УК РК:

«1. Пропаганда или публичные призывы к нарушению унитарности и целостности Республики Казахстан, неприкосновенности и неотчуждаемости ее территории либо дезинтеграции государства, а равно изготовление, хранение с целью распространения или распространение материалов такого содержания –

наказываются штрафом в размере от одной тысячи до пяти тысяч месячных расчетных показателей либо ограничением свободы на срок до семи лет, либо лишением свободы на тот же срок.

2. Те же действия, совершенные лицом с использованием своего служебного положения либо лидером общественного объединения, либо с использованием средств массовой информации или информационно-коммуникационных сетей, либо группой лиц или группой лиц по предварительному сговору, –

наказываются лишением свободы на срок от пяти до десяти лет.

3. Действия, совершенные с целью нарушения унитарности и целостности Республики Казахстан, неприкосновенности и неотчуждаемости ее территории либо дезинтеграции государства, –

наказываются лишением свободы на срок от десяти до пятнадцати лет».

Как видите, за сепаратизм очень серьезное наказание, будьте аккуратны, когда пишете на эту тему.

Совершенно новая *статья – 274*, «Распространение заведомо ложной информации».

«1. Распространение заведомо ложной информации, создающей опасность нарушения общественного порядка или причинения существенного вреда правам и законным интересам граждан или организаций либо охраняемым законом интересам общества или государства, –

наказывается штрафом в размере до одной тысячи месячных расчетных показателей либо исправительными работами в том же размере, либо ограничением свободы на срок до одного года, либо лишением свободы на тот же срок.

2. То же деяние, совершенное:

- 1) группой лиц по предварительному сговору;
- 2) лицом с использованием своего служебного положения;
- 3) с использованием средств массовой ин-

формации или информационно-коммуникационных сетей, –

наказывается штрафом в размере до пяти тысяч месячных расчетных показателей либо исправительными работами в том же размере, либо ограничением свободы на срок от двух до пяти лет, либо лишением свободы на тот же срок.

3. Деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, повлекшие причинение крупного ущерба гражданину, организации или государству или иные тяжкие последствия, –

наказываются штрафом в размере до семи тысяч месячных расчетных показателей либо исправительными работами в том же размере, либо ограничением свободы на срок от трех до семи лет, либо лишением свободы на тот же срок.

4. Деяния, предусмотренные частями первой, второй или третьей настоящей статьи, совершенные:

1) преступной группой;

2) в условиях чрезвычайного положения или в боевой обстановке, или в военное время, либо при проведении публичных мероприятий, –

наказываются лишением свободы на срок от пяти до десяти лет».

Очень-очень расплывчатая статья, как ее применять – совершенно непонятно. Я обратился в ДВД Алматы, чтобы возбудили уголовное дело по этой статье. Я защищаю девушку,

которую полицейские довели до попытки самоубийства. Она была в РОВД на допросе, полицейские начали ее унижать, и она выпрыгнула из окна в РОВД, получила повреждения очень серьезные, позвоночник сломала. Ее маму сначала бомбардировал представитель полицейских с их участка: давайте миром все закончим. Она говорит – с моим адвокатом договаривайтесь. Он пришел ко мне. А я вообще не противник такого мирного урегулирования. Я его выслушал. Он говорит – ну как, может быть, можно? Я говорю – можно. Он: «О, согласен». Я говорю – 200 тыс. долларов. Он: как? Я: вот так. 100 тыс. долларов ей на операцию в Германию, а вторые 100 тыс. долларов, – это давайте ей квартиру купите, машинку купите, вот вам будет компенсация морального вреда. Девчонка инвалидом стала, вторую группу инвалидности получила. Он: Да вы что! Даже в случае смерти мы больше 20 тысяч долларов не давали. И ошавевший ушел. Потом появляются в определенных СМИ статейки, что какой-то известный юрист вымогал 200 тыс. долларов у полицейских, которых одна девка грязью поливает. Естественно, по этим публикациям мне пришлось в ДВД обратиться. Но ДВД наше доблестное сразу же, конечно, вынесло постановление об отказе в возбуждении уголовного дела по этой статье.

Статья 373, «Публичное оскорбление и

иное посягательство на честь и достоинство Первого Президента Республики Казахстан – Лидера Нации, осквернение изображений Первого Президента Республики Казахстан – Лидера Нации, воспрепятствование законной деятельности Первого Президента Республики Казахстан – Лидера Нации». Понятно, что наказания по этой статье очень серьезные, но я прошу сравнить эту статью с 375-й – «Посягательство на честь и достоинство Президента Республики Казахстан и воспрепятствование его деятельности». По сути они идентичны, только 373-я посвящена Лидеру Нации – Первому Президенту, а 375 – просто президенту РК. Однако в статье 375 есть примечание: «Публичные выступления, содержащие критические высказывания о проводимой Президентом Республики Казахстан политике, не влекут уголовной ответственности по настоящей статье». То есть, любая критика не воспринимается как воздействие, оскорбление и прочее. А вот по Лидеру Нации такого примечания нет. Поняли разницу? Получается, по сути, что критика деятельности Лидера Нации может быть спокойно подведена под эту статью. Так что с президентом очень аккуратными будьте.

Статьи 376 – «Посягательство на честь и достоинство депутата Парламента Республики Казахстан и воспрепятствование его деятельности», 378 – «Оскорбление представителя

власти» – Там тоже такое примечание есть, то есть, любая критика не влечет уголовной ответственности. Но посягательство на личные немущественные права депутата может наказываться лишением свободы до трех лет, а оскорбление представителя власти – арестом до 75 суток.

Если вы помните, в прежнем Кодексе об административных правонарушениях была статья 343 – «Дача разрешения на публикацию в средствах массовой информации материалов, направленных на разжигание национальной вражды». В новом КоАП ее нет, зато в новом Уголовном кодексе появилась гораздо более серьезная, я бы сказал, статья на ту же тему, *статья 183* «Дача разрешения на публикацию в средствах массовой информации экстремистских материалов». Вот как она формулируется:

«Дача разрешения на публикацию в печати и других средствах массовой информации сведений и материалов, направленных на разжигание национальной, родовой, расовой, социальной и религиозной вражды, пропагандирующих сословную исключительность, войну, содержащих призывы к насильственному захвату власти, насильственному удержанию власти, подрыву безопасности государства или насильственному изменению конституционного строя, а равно нарушению территориальной целостности Республики Казахстан, – наказыв-

вается штрафом в размере до пятисот месячных расчетных показателей либо исправительными работами в том же размере, либо привлечением к общественным работам на срок до трехсот часов, либо арестом на срок до девяноста суток, с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до двух лет или без такового».

Что такое экстремизм, расшифровывается в Законе РК «**О противодействии экстремизму**», но опять же, очень расплывчато: «насильственное изменение конституционного строя, нарушение суверенитета Республики Казахстан, целостности, неприкосновенности и неотчуждаемости ее территории, подрыв национальной безопасности». Наверное, самая расплывчатая норма в этом законе – «подрыв национальной безопасности». Сюда можно все, что угодно подвести. Я помню, много лет назад, когда в выборах принимал сам участие, победил, а потом потихоньку, незаконно протоколы переподписали, подделали подписи, – я написал тогда заявление в Нур Отан, публично озвучил все, и попросился в члены партии. Прочитал их Устав, прочитал их программу, очень хорошо написано. Я обязался все выполнять. Получил отказ – не достоин. Почему? Вы не за стабильность, вы против стабильности. Я говорю – да, я против стабильности, я считаю, что у

нас тут застой, коррупция, я за развитие, за прогресс, за изменение и реформы. Сказали – нет, вы не за стабильность, значит, до свидания.

Те же критерии могут применяться и к вам. Не за стабильность, – значит экстремист, нарушаешь национальную безопасность РК. Очень расплывчатая формулировочка, будьте аккуратны.

Что такое социальная рознь, тоже нигде прямо не прописано, а раз нет конкретики – возможны злоупотребления. Ведь всегда есть конфликт между работником и работодателем. Что хочет работодатель? Работодатель хочет, чтобы работник работал 24 часа в сутки и получал за это одну тенге. Что хочет работник? Чтобы работать одну минуту и получать за это 100 тыс. долларов в месяц. А что на практике? На чем-то они договариваются, как на рынке, находят консенсус. Но конфликт интересов существует, естественно. Поэтому, говорить, что любое высказывание в пользу одной стороны или против другой стороны, – это всегда социальная рознь, конечно, нельзя. Однако, раз нет критериев, интерпретировать цель любого высказывания очень легко. Поэтому совет в этом случае, да и во всех других – бдительность и грамотность!

Оглавление

Б.Н. Пантелеев

**Современные и доступные способы
самозащиты профессиональных прав 3**

- Современный журналист –
бульмастиф или болонка? 3
- «Охлаждающий эффект» на практике 7
- Общее решение частных проблем 11
- Пожалуйста на нас! 14
- Заведомые преступления 17
- О доказательствах 23
- Чужая честь и моральный вред 28

Р.Д. Карымсакова

**Лингвистическая безопасность
письменной и устной речи 33**

- Какие сведения порочат? 35
- Рекомендации по смысловой защите
текста 38
- О возбуждении вражды и розни 52
- Оскорбление как уголовный
проступок 60

С.Г. Уткин

**Законодательство Казахстана против
злоупотреблений свободой слова 69**

**Борис Пантелеев
Рахилия Карымсакова
Сергей Уткин**

СВОБОДА СЛОВА В РАМКАХ ЗАКОНА

Пособие для журналистов

ISBN 978-601-80030-9-7

Подписано в печать 10.12.2014
Формат 60/84 1/32. Объем 6 п.л.
Бумага офсетная. Гарнитура «Times New Roman».
Тираж 500 экз. Заказ № 117.

«Адил соз» - казахстанская неправительственная организация, главной целью которой является становление открытого гражданского общества через укрепление демократических принципов свободы слова, получения и распространения информации.

Казахстан, Алматы, 050000
ул. Фурманова, 130, оф. 14
тел. +7(727)2725781

130, Furmanov st., office 15,
Almaty, 050000 Republic of
Kazakhstan
tel. +7(727)2725781
info@adilsoz.kz www.adilsoz.kz

Отпечатано в типографии ТОО «Полиграфсервис»
050050, Республика Казахстан,
г.Алматы, ул. Зеленая, 13 а.
тел.: (727) 2 333 253